

The background of the cover is a warm, golden-brown wooden surface. In the upper right, a bright sun or light source creates a soft glow. Scattered across the wood are several dried, yellowish-brown autumn leaves. In the lower right, a portion of a brown, textured knit sweater is visible. In the lower left, a green notebook with a white, aged paper insert is shown. Several sprigs of purple lavender flowers are placed across the notebook and the wooden surface. The title 'ОЛЕТ РОЙ' is written in a large, elegant, purple serif font, centered in the upper half of the image.

ОЛЕТ РОЙ

ЗЕЛЕНАЯ ТЕТРАДЬ

Олег Юрьевич Рой
Зеленая тетрадь
Серия «Олег Рой – мастер
психологического романа»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65368842
Зеленая тетрадь / Олег Рой: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116992-3

Аннотация

Казалось бы, что может быть общего между стильной танцовщицей хип-хопа и скромной киргизской девушкой, чьи родители работают в ДЭЗе? Крутым сорокалетним хедхантером и парой юных молодоженов-студентов? Или ненавидящей свою работу секретаршей-толстушкой и мужчиной в кризисе среднего возраста, разрывающимся между семьей и любовницей? Но однажды каждый из них находит среди книг на полке буккроссинга рукописную зеленую тетрадь – и эта тетрадь неожиданно меняет всю его жизнь...

Содержание

Эпизод 1	5
Эпизод 2	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Олег Рой

Зеленая тетрадь

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Julia Mikhaylova, Andrey_Kuzmin, Africa Studio, Marek

Walica, Jacek Fulawka / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Резепкин О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Эпизод 1

Катя Пёрышко, или ты живёшь только раз

Вообще-то стоило подождать, пока кофе хоть чуть-чуть остынет, но у меня никогда не хватало на это терпения. Употребительный аромат, поднимавшийся из кружки и мгновенно заполнявший весь закуток, служивший мне рабочим кабинетом, манил и кружил голову, как первая юношеская влюблённость. Чувствуя себя не в силах противиться соблазну, точно Ева в райском саду, я вынула из верхнего ящика начатую утром шоколадку с орехами, аккуратно взяла кружку, с наслаждением сделала первый глоток и сразу почувствовала себя героиней какого-нибудь фэнтези-романа, внезапно попавшей из унылых серых будней в прекрасный сказочный мир замков, волшебных цветов и добрых фей.

– А у вас, Екатерина, смотрю, очередной обеденный перерыв? И какой же по счёту за сегодня – четвёртый или пятый?

Я испуганно вздрогнула и чуть не подавилась горячим напитком. Издевательские нотки в голосе новой начальницы хоть и стали привычными, всё же неизменно продолжали достигать цели, каждый раз выводя из равновесия. А ведь только сегодня утром, по дороге на работу, я дала себе слово не вестись на провокации со стороны Змеюки Подколодов-

ны. Но попробуй не поведись, когда директриса, появившись точно из-под земли, склонилась над тобой, постукивает по краю столешницы дорогушим, бордовым с золотом, маникюром и смотрит с таким ехидством, что кусок застревает в горле.

– Между прочим, совещание вот-вот начнётся, – с той же мерзкой интонацией продолжала Змеюка. – Но вы, конечно, были настолько заняты своим любимым кофе, что так и не удосужились распечатать презентации.

По-хорошему, сейчас был самый подходящий момент довести до её сведения, что презентации у нас всегда распечатывал отдел маркетинга, они же и готовили материалы для совещания. Однако с появлением нового руководства и сменой доброй половины коллектива вся налаженная схема работы нашего подразделения полетела коту под хвост.

И я в очередной раз ничего не сказала, а вместо этого только выдавила из себя некое подобие улыбки, отодвинула, точно от сердца оторвала, дымящуюся кружку, нажала на нужную иконку на экране и завершила:

– Всё готово, Александра Павловна, уже посылаю материалы на печать.

– Это надо было сделать за час до совещания, а не после его начала, – нравоучительно отметила начальница и уплыла в направлении своего кабинета.

Я посмотрела на часы – до совещания оставалось ещё добрых четверть часа, я вполне успевала. Но доказывать что-то

Змеюке себе дороже. Вон на прошлой неделе Даше Свиридовой после дискуссии с новой директрисой пришлось писать заявление по собственному, а я не могу позволить себе такую роскошь. Я не Даша, у меня нет востребованной специальности технолога пищевого производства, и за рабочее место, пусть и ненавистное, волей-неволей приходится держаться. Даже сейчас, когда в нашем некогда весёлом и по-хорошему шумном офисе стало так неудобно. Почти все сотрудники, с которыми я была в нормальных отношениях, разбежались кто куда, не выдержав Змеюкиных методов руководства, а новых она набрала как специально – один неприятнее другого. Я человек замкнутый, застенчивый, мне трудно сходить с незнакомыми людьми – и уж тем более с подобными типчиками, которых моя подруга Ирка Звонарёва определяет точными словечками «токсичные коллеги».

Последняя страница презентационных материалов наконец выползла из принтера, и я стала торопливо распределять листы по стопкам для раздачи участникам совещания. Сиротливо остывающий в кружке кофе пах ноябрём и полным разочарованием в жизни.

В переговорной, как и следовало ожидать, я появилась первой. Разложив материалы по столам, направилась назад, к своему рабочему месту – надо было отослать документы в филиал в Краснодаре, – но на выходе снова столкнулась со Змеюкой.

– Екатерина, я вроде бы ясно выразилась по поводу вашего присутствия на совещании, – снова прицепилась та. – Вы должны записывать всё, что мы обсуждаем, и затем напоминать маркетологам о сроках сдачи проектов.

– Я помню, Александра Павловна, даже диктофон приготовила, чтобы ничего не упустить, – заверила я. – Но у меня ещё есть несколько минут, хотела до совещания отправить письмо в филиал.

Признаюсь, в глубине души я надеялась, что после таких слов Змеюка если не похвалит меня за рабочее рвение, то, по крайней мере, отстанет на какое-то время. Но не тут-то было! Холёная физиономия шефини только скривилась в язвительной усмешке.

– Ну, конечно, в вашем-то возрасте как всё упомнить? Например, что письмо надо было отправить ещё вчера.

– Мне всего тридцать семь лет, а не семьдесят, – не удержалась я, но тут же прикусила язык.

– Тридцать семь – это для секретаря уже пенсионный возраст, – авторитетно выдала Змеюка. – Понимая это, вы должны действовать куда расторопнее!

От продолжения неприятного разговора меня спасло появление в переговорной хипстера Миши из отдела маркетинга, «первого парня» в новой версии нашей «деревни», то есть фирмы. Чуть ли не вся женская половина коллектива тайно или явно вздыхала по этому помешанному на брендах смазливому типчику, а он с удовольствием пользовался их

расположением и лез из кожи, чтобы очаровать всех и каждую. Впрочем, на меня он своё обаяние никогда не тратил, я для Миши всегда была пустым местом. Да и другие новые сотрудники обращали на меня внимания не больше, чем на принтер, и уж точно меньше, чем на микроволновку или кофеварку.

– Михаил, – Змеюка тут же порозовела и стала накручивать прядь волос на кончик указательного пальца, – вы, как обычно, приходите раньше всех! Многим неплохо бы поучиться у вас пунктуальности.

Презирующая меня за неподобающий возраст Александра Павловна была всего-то на год младше, но ни одно из колец, которые каждый день менялись на её костлявых, как у скелета, пальцах, не напоминало обручальное. Неудивительно, что всех женщин она считала личными врагами, а мужчин воспринимала как объект охоты.

Еле удержавшись от того, чтобы не скрипнуть зубами, я отвернулась от них и плюхнулась на самый дальний стул в углу переговорной. Раньше на общих собраниях мы обычно сидели рядом с Дашей Свиридовой, шушукались и тихонько хихикали. Но сейчас на соседнем со мной стуле устроилась, закинув одну бесконечную ногу на другую, Олеся, новый менеджер по рекламе, долговязая девица, отчего-то вообразившая себя красавицей. Впрочем, в наше ненормальное время многие действительно считают, что выпирающие, как металлоконструкции, ключицы и тощие нижние конечности «бук-

вой Х» – это красиво. Естественно, о том, чтобы поболтать с надменной, словно особа королевских кровей, Олесей, не могло быть и речи. Да и о чём мне с ней говорить? За весь тот неполный месяц, что она здесь работала, мы не сказали друг другу и двух слов не по делу, да и вряд ли сумели бы найти общие темы для разговора.

Поэтому я включила диктофон, склонилась над блокнотом, делая вид, что старательно конспектирую каждое слово, и принялась мечтать о том, что через час, максимум через полтора это дурацкое собрание закончится. И тогда можно будет пойти на кухню и опять сварить себе кофе. На этот раз, пожалуй, сделаю его с корицей и шоколадом – такое сочетание у меня почему-то всегда ассоциировалось с детством, солнцем и счастьем. Даже несмотря на то, что и в детстве я, собственно, тоже совсем не была счастлива. Чем больше я думаю об этом, тем увереннее прихожу к выводу, что понятие счастья мне, в общем-то, никогда не было знакомо. И вряд ли когда-нибудь будет...

* * *

– Катя, это ты? – послышался из спальни голос матери.

Господи, ну а кто же ещё-то? Я кивнула в ответ, хотя вряд ли она могла меня видеть. Сбросила порядком измучившие за день туфли на каблуках и, не без труда нагнувшись, помассировала ступни. Сегодня пришлось как следует побегать по

офису – такое ощущение, что Змеюка специально поставила своей целью вымотать меня, чтобы я не выдержала и сама написала заявление об уходе.

– Что-то ответа не слышу, – проворчала моя любящая мать, выходя в прихожую.

– Я устала, не хочется говорить, – вздохнула я.

– И от чего же ты так устала? Весь день, что на работе, что дома, за компьютером сидишь да кофе с конфетами и пирожными гоняешь, – послышалось в ответ. – Посмотри, как тебя разнесло! Скоро в дверях будешь застревать!

– Слушай, ну хватит уже, сколько можно...

В надежде, что на этом разговор прекратится, я направилась в большую комнату, служившую одновременно и гостиной, и моей спальней. Но мать явно не собиралась оставлять меня в покое и двинулась следом. Стояла рядом, наблюдая, как я переодеваюсь, и комментировала:

– Ох, Катька, Катька! Ну как так можно?! Сорока ещё нет, а какой живот наела. И чего ж удивляться, что такую толстуху никто замуж не берёт!

Что-то сегодня мать особенно быстро завелась. Видимо, подготовилась заранее. Делать-то ей нечего, сидит дома, телевизор смотрит и ждёт моего прихода, подбирает слова, чтобы вылить всё на меня, когда я наконец притащусь с работы. Раньше я сильно обижалась на неё за этот вечный бубнёж, но потом почитала в интернете статьи о её болезни, и всё стало на свои места. Оказывается, плохая работа эндо-

кринной системы всегда влияет на психику, и здесь ничего не поделаешь. А у матери с молодости проблемы с щитовидкой, она чуть ли не с двадцати лет сидит на искусственных гормонах. Неудивительно, что отец сбежал ещё до моего рождения и навсегда вычеркнул из своей жизни её, а заодно и меня. И хоть я и злилась на отца, которого не видела даже на фото, потому что мать уничтожила все снимки, но в чём-то его понимала – не иначе мужику доставалось не меньше, чем мне.

Подруга Ирка Звонарёва уже давно уговаривала меня съехать от матери и снимать квартиру, но как её снимешь – с моей-то нищенской зарплатой! Так уж вышло, что и с профессией мне в жизни не повезло так же, как и с внешнестью. Мать, всю жизнь проработавшая бухгалтером, настаивала, чтобы и я получила экономическое образование, и мне пришлось подчиниться, хотя никогда не считала математику своей стихией. В школе отметки у меня были неважные, так что о поступлении на бюджет нечего было и думать. Впрочем, мать это предвидела и много лет откладывала деньги мне на учёбу, из-за чего нам приходилось отказывать себе во всём остальном. Кто ж знал, что это проклятое экономическое образование в итоге никому не сдаться! Мы выбрали коммерческий вуз с громким названием «международный университет», казавшийся солидным заведением, поскольку его реклама в то время висела на всех столбах и даже шла по телевизору. Поступить оказалось на удивление легко, и то,

что учили в универе, мягко говоря, неважно, меня, признаюсь, тогда не насторожило, а даже радовало – не нужно было напрягаться. Тем больше стало разочарование: по окончании оказалось, что мой диплом бесполезен и нигде не котируется, как и другие, якобы международные, дипломы многих «университетов» и «академий» с пафосными названиями. Не прошло и нескольких лет после моего выпуска, как все эти вузы исчезли, не пройдя аккредитацию, так же быстро, как и появились, и признаваться в том, что ты окончила один из них, стало даже неловко. Так что ни о какой карьере экономиста для меня не могло быть и речи. Помыкавшись в поисках работы больше года, я наконец устроилась, секретарём в одно из подразделений фирмы, занимавшейся производством кондитерских изделий, где и проработала четырнадцать лет, аккуратно до сегодняшнего дня. Раньше, если не считать маленькой зарплаты и дороги через всю Москву, отнимающей каждый день два с лишком часа моей и так не слишком радужной жизни, всё остальное там раньше было ещё более или менее терпимо. Но именно *было раньше* – до смены руководства и появления Змеюки Подколодовны...

– Катерина, ты что, оглохла? – вывел меня из задумчивости голос матери.

– Извини, – встрепенулась я. – Что ты говоришь?

– Есть, говорю, хочешь?

– Хочу.

– Ну, конечно, когда ты отказывалась... – пробормотала

мать, удаляясь на кухню. А я, отвернувшись, вытерла тыльной стороной ладони выступившие от обиды слёзы. Ещё не хватало, чтобы меня попрекали куском в собственном доме! Пусть оклад у меня и небольшой, но на продукты я всё-таки зарабатываю. И даже на кофе остаётся, пусть и не столько, сколько хотелось бы.

– Что ты там застряла? – снова послышался голос матери. – Ужинать мы в следующем веке будем?

Я высморкалась, натянула футболку и потащила на кухню.

На ужин, конечно же, опять была рыба на пару и тушёные овощи. А так хотелось после сегодняшнего мерзкого дня на работе побаловать себя чем-нибудь вкусненьким, хотя бы жареной картошкой или курицей... Ладно, ничего, перетерплю, не привыкать. И подожду до завтра. Завтра суббота, мы с Ирккой ещё на той неделе договорились погулять в парке Горького, а вечером поужинаем в каком-нибудь кафе. И там я уж точно не буду давиться этой безвкусной преснятиной.

– В поликлинику, конечно, опять не ходила? – поинтересовалась мать, складывая в раковину опустевшие тарелки. – Тебе давно уже пора щитовидку проверить.

Опять двадцать пять.

– Слушай, ну сколько можно? Я же её только год назад проверяла.

– Всё равно проверь.

– Да нет никакой необходимости делать это так часто! – Не удержавшись, я повысила голос. – Ты прекрасно знаешь, что твоя болезнь не генетическая, по наследству не передаётся.

И мысленно добавила: «В отличие от невезения». Да, приходится признать горькую правду – не только я у мамы неудачница.

– Знаю, но провериться всё равно не помешает. – Мать упрямо стояла на своём.

– Ладно, – буркнула я, иначе этот разговор мог растянуться на весь вечер, и подошла к кофемашине, кредит за которую выплатила только в прошлом году. Мать, разумеется, не могла оставить это без комментариев.

– Ну вот, опять наглотаешься этого своего кофе на ночь и до утра в этом своём дурацком интернете просидишь, – завела она свою шарманку, но у меня уже не было сил реагировать. Меня ждало свидание с нежным и романтичным кофе флет уайт – единственный доступный мне уже много лет вариант свиданий.

Утро субботы выдалось солнечным, как, собственно, и должно быть в апреле. Отличная погода, предвкушение встречи с подругой и особенно удавшиеся матери сырники с малиновым вареньем на завтрак подняли настроение на уровень «жизнь не так уж и плоха». Как же жаль, что подобные светлые моменты случаются столь редко...

– Ты, надеюсь, не на весь день? – осведомилась мать, на-

блюдая, как я поправляю юбку у зеркала в коридоре.

– Как получится. Мы хотели ещё в кафе посидеть.

– Ну вот... А я-то собралась на ужин драников нажарить, ты же любишь. – Похоже, она чувствовала себя виноватой, что вчера весь вечер выносила мне мозг, и хотела таким образом подлизаться.

– Ничего страшного, нажаришь завтра, – отрезала я и, чтобы смягчить жёсткость своих слов, добавила: – Я тебе помогу, картошку почищу.

Мать в ответ вдохнула так, точно я уходила не на прогулку, а по меньшей мере на войну, и поинтересовалась:

– Ты опять с Ирккой, что ли?

– А с кем же ещё?

– Ну иди, иди, – милостиво разрешила она. – Может, наконец-то познакомишься с кем-нибудь. Ирка эта твоя мужиков как перчатки меняет, хоть бы пример с неё брала, что ли...

Что у матери всегда получается лучше всего, так это свети любой разговор к моей личной жизни, вернее, к её полному отсутствию. Талант просто. Вот и сейчас, пока я причёсывалась и красилась, она стояла рядом и бубнила:

– А то ведь так всю жизнь и просидишь одна... Тебе уже под сорок, когда замуж-то выходить? В пятьдесят, что ли, когда рожать уже поздно будет?

И так далее, и тому подобное...

Я проверила сумочку, всё ли на месте, и поспешила вы-

скочить из квартиры. Настроение было отвратительное.

К счастью, у подъезда уже стояла знакомая красная машина.

– Ну, давай рассказывай, как у тебя всё плохо, – поприетствовала меня Ирка. Эта шуточная фраза давно уже стала для нас привычной.

– Ой, не спрашивай, – буркнула я, устраиваясь на переднем сиденье и застегивая ремень безопасности. – Всё как обычно. На работе начальница третирует, дома мать доводит.

Ирка развернула зеркало заднего вида, поправила помаду на губах и, оставшись довольной своим видом, завела мотор.

Подруга была полной моей противоположностью – это замечали все, кто нас знал. Яркая брюнетка с хорошей фигурой и ростом метр семьдесят, она всегда привлекала к себе всеобщее внимание. Но причиной её популярности была не внешность, а лёгкий и весёлый нрав. Мы дружили со времён студенчества, с первых же учебных дней – тогда моя застенчивость только раззадорила бойкую Иру, и она решила во что бы то ни стало со мной познакомиться. А когда Ира Звонарёва ставила перед собой цель, цель была обречена.

После университета Ире повезло больше, чем мне: она смогла устроиться в приличный банк и сейчас занимала должность начальника отдела верификации. Работу свою она тоже, как и я, терпеть не могла, но мирилась с ней, поскольку зарабатывала в разы больше, чем я. И несмотря на

различия в социальном положении и взглядах на жизнь, мы продолжали оставаться лучшими подругами.

В отличие от меня Ирка всегда знала, как надо правильно жить. В интернете её интересовали не браузерные игры и фанфики, как меня, а всевозможные мотивационные статьи и аффирмации. «Быть счастливой очень легко – просто будь ею!» – вечно твердила она.

Но увы, для меня это выглядело совсем не так просто...

– Мать опять требует, чтобы ты вышла замуж? – осведомилась Ирка, разворачиваясь в сторону центра.

– Да постоянно! Нет уже сил это терпеть.

– А ты возьми и выйди!

– Аха-ха, смешная шутка, Ир. С моей-то невезучестью...

– Вся невезучесть в твоей голове, – отмахнулась подруга. –

Пока ты сама себе не позволишь быть счастливой, ты ей и не станешь.

– Да-да, знаю я твою философию.

– Это не философия, это жизнь. Ты заблокировала доступ всего положительного к себе и даже не замечаешь этого.

Я только молча вздохнула. Ирке легко рассуждать: она со своим лёгким характером притягивает к себе людей, что даёт много возможностей. Мне об этом приходится лишь мечтать. На работе нет ни одного человека, который бы относился ко мне как к личности, дома мать с её перепадами настроения. Откуда ж мне взять этот проклятый доступ всего положительного? В плане отношений с противоположным полом

мне с моей внешностью ничего не светит, пара неудачных опытов в прошлом это подтвердили. Успешная карьера тоже не грозит. С таким никому не нужным образованием и опытом я продержусь на своём месте ещё максимум несколько лет, а дальше смогу рассчитывать разве что на место уборщицы – вряд ли кому-то придёт в голову мысль взять на работу некрасивую толстую сорокалетнюю секретаршу. Сбережений у меня нет, пожилого дядюшки-миллиардера, который завещал бы мне всё своё состояние и виллу на Лазурном Берегу, тоже. Так что оставалось только завидовать Иркиному оптимизму и её успехам на всех жизненных фронтах. Вот и сейчас, мгновенно переключившись с обсуждения моих невесёлых дел на собственные, куда более радостные, подруга стала рассказывать о новом ухажёре, который вчера целых полтора часа прождал её у подъезда с цветами.

– Стойкий, однако, – заметила я. – Может, дашь шанс бедняге?

– Да я вот уже думаю над этим, – хихикнула Ирка.

– Кто он хоть, чем занимается?

– Профессор в каком-то универе. – Ирка сердито крутанула руль и показала неприличный жест водителю соседней машины, не пожелавшему её пропустить. – Вроде солидный дядька, а ведёт себя как школьник.

– И как же ты его подцепила?

– Ой, это та ещё история! Он кредит получать пришел...

Пока мы ехали, Ирка щебетала и щебетала, то и дело пре-

рывающая свою речь гортанным смехом, а я слушала и привычно недоумевала, насколько же по-разному складывается у людей жизнь. Пусть Ирка стройнее и привлекательнее меня, но супер-пупер-красавицей её никак не назовёшь, однако от мужчин, судя по её рассказам, просто отбоя нет. Не то что у меня...

– Вот выйдешь за него замуж, будешь профессоршей, – вставила я и свою реплику, когда подруга наконец-то примолкла.

– А чего, я не против, – довольно разулыбалась Ирка. – Как промежуточный вариант профессор вполне сойдёт. Хотя лучше бы, конечно, подвернулся кто-то поинтереснее. Я так поняла, что зарплаты у них в вузе ну никак не космические. И к тому же, чует моё сердце, в постели он может оказаться таким же занудой, как в разговорах...

Этот день получился куда приятнее вчерашнего. Весело болтая, мы погуляли по Нескучному саду, прошлись по набережной, поели в кафе мороженого из зелёного чая. Ирка даже предложила прокатиться на теплоходе, но я отказалась от такой затеи, решив, что она обойдётся слишком дорого. Лучше уж на эти деньги посидеть вечером в ресторане и выпить хорошего кофе.

Мы уже двигались к выходу из парка, когда Ирка, увидев что-то впереди, толкнула меня локтем.

– Смотри, тумба буккроссинга! Я читала в интернете, что их в каждом парке сделали. Пошли посмотрим, какие книж-

ки люди нынче отдают?

Пока Ира копалась в стопке руководств по правильной жизни, я полистала несколько романов из женского фэнтези, отложила себе парочку, и тут взгляд наткнулся на что-то странное. В первый момент я даже не поняла, что меня удивило, и только чуть позже сообразила, что на одной из полок среди книг почему-то стоит тетрадь. Обычная такая толстая тетрадь в зелёной кожаной обложке.

Мне стало любопытно, что она тут делает. Сняв тетрадку с полки, я раскрыла её наугад и увидела, что страницы аккуратно заполнены от руки красивым, мелким, но разборчивым почерком. Кто-то явно старался, когда писал. Вероятно, текст предназначался для чужих глаз, хотя, может быть, автор просто был аккуратным человеком, из породы отличников и педантов.

«Пульт от жизни» – значилось вверху страницы. Заинтересовавшись, я принялась читать дальше.

Пульт от жизни

Поздний вечер. В комнате темно. И только большой плазменный экран на стене отвлекает от ненужных мыслей яркими картинками, бессмысленной болтовней и надоедливymi мелодиями рекламных роликов...

Я не люблю телевизор. С каждым днем там всё меньше и меньше того, что могло бы увлечь, зацепить, на что хотелось бы потратить своё время. А потому я просто щелкаю пультом, пролистывая каналы один за другим. Перед глазами проносятся кадры, лица,

пейзажи, логотипы, обрывки фраз, фрагменты звуков, как бесконечный пестрый хоровод... И хороводом этим управляю я при помощи маленькой кнопочки пульта.

Как жаль, что такой же пульт не прилагается к жизни. Ведь тогда всё было бы так просто и легко: надоело смотреть скучный сериал собственных будней – раз! – и вот ты уже погружаешься с аквалангом на дно океана. Устал постоянно выяснять отношения с женщиной, которая тебя не понимает, один клик – и её больше нет в твоей жизни. Просто нет, и всё. Без всяких ссор, скандалов и потрепанных нервов... В любой момент ты можешь переключить своё настроение с унылого на отличное, ненавистную работу – на профессию своей мечты, усталость – на отдых, одиночество – на любовь...

Но ведь если подумать, то во всём этом нет никакой фантастики, и подобным «пультом» обладает каждый из нас. Просто не все умеют им пользоваться. А некоторые и вовсе не знают, где он есть такой... А он лежит себе тихонечко – под рутиной страхов, комплексов, сомнений... Лежит и ржавеет. Потому что неуверенность в себе и нежелание быть хозяином собственной судьбы никак не дают им воспользоваться по назначению: нажать кнопочку и переключить канал собственной жизни с надоевшего на интересный. А может, просто лень? Вот и сидим так всю жизнь – на воображаемом диване перед воображаемым экраном, и смотрим не то, что хочется, а то, что показывают, и медленно засыпаем от усталости и скуки... Так, может, всё-таки стоит дотянуться до «пульта»?

Я очнулась, только когда почувствовала руку Ирки на своём плече.

– Ты что там такое интересное читаешь, что даже не слышишь, как я тебя зову? – осведомилась подруга.

– Представляешь, нашла среди книг рукописную тетрадь...

– Кто-то из студентов оставил конспект? – предположила Ирка. – Хотя нынешние студиясы небось и не знают, как это – от руки конспектировать лекцию. У них всё в цифре, и тексты, и аудио. У нас-то в своё время не было такой лафы.

– Нет, это не конспект. Скорее что-то вроде сборника рассказов или эссе.

– И что, хорошо написано?

– Ну, я пока ещё только один текст прочла. Но мне понравилось. Как будто это обо мне...

Я открыла тетрадь на первой странице, потом пролистала до последней. Действительно, похоже на сборник – в основном отдельные фразы или короткие, на одну, максимум на несколько страниц, аккуратно написанные тексты, какие-то с названиями, какие-то просто отделены друг от друга звёздочками.

– Кто-то отчаялся пропихнуть в издательство свои опусы и решил донести их до читателя таким оригинальным образом? – усмехнулась подруга.

– Вряд ли. – Я покачала головой, всё ещё изучая зелёную тетрадь. – Тут вообще нигде нет никаких имён. Ни автора

или авторов, ни каких-то координат владельца.

– Ну что, пошли дальше? – Ирка уже начала скучать.

– Пожалуй, возьму домой и почитаю, – решила я, укладывая свою находку в сумку.

Ирка рассеянно кивнула, она явно потеряла к этой таинственной зелёной тетради всяческий интерес. Взглянув на часы в телефоне, подруга заметила:

– По-моему, самая пора перекусить. Надеюсь, ты не забыла, что обещала показать мне какое-то новое классное местечко? Так что давай веди.

Уж на что, на что – а на это меня уговаривать точно было не надо. Кафе и рестораны я всегда любила, так что мы с Иркой посещали их при каждом удобном случае. Это хобби было моей отдушиной. Денег, конечно, на подобные вылазки уходило немало, за что мне здорово доставалось от мамы, но оно того стоило.

Так что вечер мы провели в симпатичной кафешке, где можно было и вкусно поужинать, и полакомиться прекрасно сваренным кофе. Помня о ждущих дома паровых котлетках и варёных овощах, я за ужином оторвалась по полной, даже заказала второй десерт. И пускай эти посиделки влетели в копеечку (опять придётся экономить на обедах на работе и брать ссобойку), домой я всё равно вернулась в приподнятом настроении.

Но какая же бочка меда без ложки дегтя? На моём тернистом жизненном пути таких, увы, не встречается. Дома меня

ждала мать, крайне недовольная тем, что я не позвонила и не предупредила, что не приду ужинать. Моих возражений, что всё это было сказано ещё утром, она принципиально не желала слышать.

Отлично понимая, что поток её нравочений может не иссякнуть до самой полуночи, я прихватила сумку с тетрадью из буккроссинга и закрылась в своей комнате. Мне не терпелось почитать остальные тексты. Интересно, они все написаны в том же духе, что и «Пульт от телевизора», и если да, то о чём они? Было очень любопытно, кто ж такой вёл эту тетрадь и зачем. Вряд ли кто-то выписывал понравившиеся чужие мысли и эссе, как было модно во времена юности моей бабушки – сейчас уже никто так не делает, а тетрадь явно современная. Конечно же, кто-то сочинил всё это сам. Но почему писал от руки, а не на компьютере? Все эти вопросы интриговали, заставляя чувствовать себя причастной к волнующей тайне.

Я разложила диван, устроилась поудобнее, подтянув подушку под спину, и, прежде чем распахнуть обложку, загадала: пусть первая фраза, которую я прочту, определит мою дальнейшую судьбу. После чего раскрыла тетрадь наугад и прочла название очередного рассказа: «Начинать никогда не поздно».

– И что ж там было, в этом рассказе? – осведомилась Ирка, поднося ко рту чашку и аккуратно схлёбывая пышную розовую пену. В этой кофейне, одной из моих любимых, где мы с подругой встретились после работы, подавали цветной кофе и радужные пироженки, что казалось просто бальзамом на раны после бесконечного утомительного дня, проведённого на ненавистной работе.

– Тебе, наверное, это покажется странным... Может быть, даже глупым...

Я помолчала и всё-таки протянула руку к своей чашке. На белой пене ловкие руки бариста изобразили диковинный разноцветный цветок, такой красивый, что просто жаль было его трогать. И в сладкой нотке аромата, примешивавшегося к запаху кофе, тоже чувствовалось что-то особенное и даже немного фантастическое.

– Ну, совсем заинтриговала! – фыркнула Ирка. – Хватит уже интересничать, давай рассказывай.

– Понимаешь... Там, в тетради, вообще много текстов, и все они по-своему любопытны. Но этот, который «Никогда не поздно начинать»... Он особенный. В общем, если вкратце, то это простая история о женщине, которая в сорок три года взяла и – раз! – кардинально изменила свою жизнь.

– Любовника, что ли, нашла? – недоверчиво хмыкнула по-

друга и отломилла ложкой сразу треть разноцветного пирожного. – Тоже мне особенная история! Да таких миллион, что в книжках, что в кино. Разве что в реальности они редко...

– Да не любовника! – сердито перебила я. – В личной жизни у неё как раз всё нормально было. Муж хороший, дочка взрослая, замужем уже. Этой женщине, её Лилией звали, только с работой не повезло. Она мечтала работать на телевидении, но после школы поступила в юридический. Родители настояли, ну, знаешь, как это бывает...

– Мне ли не знать, – промычала Ирка с набитым ртом. – Я тоже всю старшую школу хотела стать моделью. Но сейчас, конечно, не жалею. Хотя...

– И так как юрист из Лилии не получился, – продолжала я, – то она устроилась в судебный архив. Скучно, и зарплата копеечная, зато к дому близко. Так она и жила до тех пор, пока её дочка не вышла замуж и не собралась родить ребёнка. И не сказала ей: «Мам, ты всё равно свою работу не любишь, так увольняйся! Будешь сидеть с внуками».

– Вот бы моя мама обрадовалась, если б такое услышала! – криво усмехнулась Ирка. – А то мне мои родичи последнее время тоже стали слишком уж часто на внуков намекать. От твоей матери заразились, что ли? Но я им так и сказала: «И не надейтесь!» Только мне ещё спиногрызов не хватало... Ладно, рассказывай дальше.

Я снова вернулась к истории из зелёной тетради:

– Лилия как раз совсем не обрадовалась, а даже наобо-

рот. Ей ведь всего сорок три года было! Вот она и подумала: неужели это уже всё, жизнь кончена? Неужели только и осталось, что засесть дома, нянчить внуков, вязать носки, смотреть телешоу и сплетничать с соседками? И больше она ни на что не годится, больше её ничего в жизни не ждёт? Как-то раз шла она по улице, думала об этом, грустила. И вдруг услышала обрывок разговора за спиной. Кто-то сказал фразу, заставившую её вздрогнуть: «Ты живёшь только раз». И после этих слов у неё точно внутри что-то перевернулось. Вот она и приняла окончательное решение... Ира, ты что, не слушаешь меня?

Подруга и впрямь, похоже, отвлеклась и глядела в сторону.

– Ну да, извини, – откликнулась она без тени, впрочем, неловкости в голосе – смущаться вообще было не в её характере. – Засмотрелась вон на того мужика за дальним столиком.

– Что, твой типаж? – подколола я подругу, обидевшись на то, что та отвлеклась от моего рассказа. – А как же твой профессор?

– Слился профессор, – нарочито беспечно отозвалась Ирка. – После той, первой, свиданки больше ни слуху ни духу. Ну да и хрен с ним. Давай лучше про эту твою тётку из зелёной тетради. Что там с ней дальше было?

– А дальше она уволилась с нелюбимой работы. – Я снова вернулась к истории, произведшей на меня такое сильное

впечатление. – Но не для того, чтобы сидеть с внуками, а чтобы получить второе образование. Помнишь, я говорила, что Лилия всю жизнь мечтала о телевидении? Вот она и поступила в вуз, где учат таких специалистов.

– В сорок три года? – удивлённо хмыкнула Ирка. – Крутая, однако, баба. Молодец. Респект и уважуха. И что, получилось у неё?

– Получилось, – кивнула я. – Как я поняла, Лилия, пока училась в вузе, завязала нужные знакомства и с их помощью устроилась на какой-то кабельный телеканал. Сначала на небольшую должность, но через четыре года стала ассистентом режиссёра – или как это у них там называется – на одном из ведущих телеканалов, в Останкино. Вот такая история.

Должно быть, я слишком пристально смотрела на Ирку, потому что она почувствовала, что я жду её реакции, и пожала плечами.

– Не, ну а что тут сказать? Здорово придумано.

– Да в том-то и дело! – неожиданно для себя я повысила голос, так, что на нас даже оглянулась пара за соседним столиком. – Это не придумано, Ир! – добавила я уже тише. – Это реальная история, из жизни. Тот, кто писал всё это, сам был знаком с этой Лилией, понимаешь? Своими глазами за ней наблюдал, она сама ему эту историю рассказала. Или ей – там, в этой в тетради, не поймёшь, кто автор, мужчина или женщина.

– Вообще в книжках часто так делают, – не сдавалась Ирка. – Придумают, а потом пишут, мол, сам лично видел и слышал. Такой литературный приёмчик.

– Господи, да хоть бы и так! – Впервые за много лет я почувствовала, что подруга не понимает меня, и это вызывало сильную досаду. – Не в этом же дело, Ир! А в том, что эта история как будто специально написана для меня! Чтобы я её прочла и сделала выводы. Так что я тоже подумала-подумала, да и решила попробовать изменить свою жизнь.

– Ты?! – Ирка округлила ярко накрашенные глаза. – И как же именно?

– Решила, что тоже попробую заняться любимым делом, – скромно призналась я. – Мне ведь даже не сорок три, мне на семь лет меньше, чем этой Лилии. И у меня тоже когда-то была мечта...

– Знаю, – кивнула Ирка и отправила в рот последнюю ложку с остатками разноцветного пирожного.

Конечно, она знала – ведь я несчётное число раз говорила, как хотела бы владеть собственной кофейней. Из всех кафе и ресторанов я больше всего любила кофейни и кондитерские с вкусными десертами и хорошим кофе. Кофе всегда был моей страстью, с детских лет, когда бабушка была ещё жива и варила его себе каждое утро, наполняя кухню упоительным ароматом. Весь этот ритуал – как бабушка молола звонкие крепкие зёрнышки в ручной кофемолке, с деревянным, похожим на прикроватную тумбочку основанием и же-

лезной ручкой наверху, как грела на плите закопчённую турку с восхитительно пахнущей жидкостью, не давая ей закипеть и ухитряясь снять с огня именно в тот самый миг, когда на поверхности появится пена, как наполняла маленькую чашечку с незабудками из тонкого, почти прозрачного фарфора – представлялся мне священнодействием. Приготовление кофе казалось чем-то колдовским, а бабушка виделась доброй волшебницей, способной творить настоящие чудеса. Конечно же, мне безумно хотелось попробовать этот удивительный напиток, но – разумеется – мне этого не разрешали. «Детям кофе вредно! – категорично заявляла мать. – Да тебе и не понравится. Пей лучше какао». И я пила, но это оказывалось совсем, совсем не то, ведь в какао и в помине не было ореола волшебства и запаха тайны...

Потом бабушка умерла, вместе с ней из нашей семейной жизни исчезло много хорошего, в том числе и кофе. Мать его никогда не любила, заявляла, что «горько и вообще вредно». Но как только я подросла настолько, что мать стала выпускать меня из дома одну, я сразу же принялась копить карманные деньги и, собрав наконец достаточную, по моему мнению, сумму, отправилась в ближайшую сетевую кофейню. До сих пор помню эту вылазку вплоть до мельчайших подробностей, все волнения и страх, что меня сочтут слишком маленькой и не пустят в кафе без взрослых или что может не хватить денег. Пока я ёрзала на неудобном венском стуле за самым дальним столиком, а ко мне шла тоненькая веснуш-

чатая официантка в фирменном коричневом фартуке, сердце чуть не выпрыгнуло из груди, а меню в потрёпанной кожаной папочке дважды выпадало из рук. Но всё обошлось, никто меня из кафе за малолетство не выгнал, и оказалось, что моих сбережений хватит не только на кофе, но даже ещё и на пирожное. Не зная, сколько надо класть сахара, я с перепугу заполнила им чашечку чуть ли не на четверть. Это был латте, и когда я пила его, мне отчего-то представился белоснежный, как пышная пенка, океанский лайнер, плывущий в лучах яркого солнца мимо тропических островов с пальмами и тихим шелестом волн на золотых пляжах. Даже несмотря на перебор с сахаром, вкус кофе показался божественным. Ещё лучше, намного лучше, чем представлялось в детских мечтах. Наверное, именно в тот миг я и дала себе слово, что когда вырасту, обязательно...

– То есть ты решила открыть свою кафешку? – поинтересовалась Ирка, вернув меня из прошлого в настоящее. В её голосе явно сквозило сомнение.

– Ну нет, так далеко мои планы не распространяются, – призналась я. – Слишком большая конкуренция. Да и стартовый капитал нужен, а где его взять? Но я решила выучиться на бариста. Знаешь, все эти дни я штудировала интернет, искала ролики, вебинары, подкасты по теме. И вот что... В общем, всё выглядит не так уж сложно. Думаю, если постараться, я смогу освоить искусство приготовления кофе на профессиональном уровне – а стараться я обязательно буду.

– В смысле «освоить»? – Идеальные (мне таких никогда не заполучить) брови подружки взметнулись на лоб. – Ты же и так хорошо варишь кофе. Вон какой у тебя опыт в этом деле – ты ведь его каждый день хлещешь вёдрами.

– Но это совсем другое, Ир, как ты не понимаешь...

Кажется, сегодня мы с ней говорили на разных языках.

Подруга надолго замолчала, что обычно было ей совсем не свойственно, и я в конце концов не выдержала:

– Что скажешь?

– Ну-у... По-моему, неплохо придумано. – Ира взяла салфетку и аккуратно промокнула уголки губ. – Но, знаешь, мне кажется, что все эти подкасты и вебинары – это как-то несерьёзно. Сама посуди – ну как можно научиться готовить кофе по интернету?

– Не только по инету, – попыталась объяснить я. – Бывают и онлайн-мастер-классы. Я записалась на один такой, нашла бесплатный, он будет в следующие выходные.

– Всё равно это полумера. – Ирка решительно тряхнула своими роскошными длинными волосами. – Ну сходишь ты туда и что? Чтобы стать настоящим профессионалом, нужно как минимум закончить курсы.

Ох...

– Уже думала об этом, – согласилась я. – И даже видела объявление о курсах с последующим трудоустройством. Но они такие дорогие! Почти ползарплаты.

– Что поделаешь, за всё в этой жизни надо платить, – рас-

судительно заметила Ирка.

– Понимаешь... – Я продолжала делиться своими сомнениями, ведь с кем мне ещё было посоветоваться о таких важных вещах, как не с единственной подругой? – Дело даже не в деньгах. Они у меня есть, я накопила, мы же с тобой летом в Сочи собираемся... Но, допустим, окончу я курсы, получу сертификат или как это там называется. А потом что?

– Как это «что»? – воодушевилась Ирка. – Ты ж сама говоришь, что курсы с последующим трудоустройством. Уволишься из своей шарашкиной конторы и будешь работать в кофейне.

– Что, прямо вот так взять и уволиться?

– А почему нет? Тебе необходима встряска, чтобы наконец-то изменить жизнь.

– Страшно, – пробормотала я.

– Жить вообще страшно, – философски заметила Ирка. – Вдруг выйдешь на улицу, а тебе кирпич с неба прямо на голову.

– Лучше бы чемодан денег, – продолжила я нашу старую шутку. – Причём вместе с его молодым красивым владельцем.

– Это, увы, не про нас, – вздохнула Ирка. – А вот напрячься, чтобы хоть немного приблизиться к мечте, мы можем. Так что вперёд, Катька, я за тебя всеми руками и ногами!

– Но, Ириш... – сомнений у меня оставалось всё ещё слишком много, чтобы можно было принять решение вот так

легко. – Бариста – это ведь работа с людьми... А ты ведь знаешь, как мне тяжело даётся общение, особенно с незнакомыми.

Это было чистой правдой. Не то чтобы я боюсь людей, но всю жизнь как-то трудно с ними схожусь. Да и не умею вести себя свободно, как Ирка, которая всегда находит, что сказать, а я вечно говорю что-то не то, а потом долго это вспоминаю и сгораю от стыда.

– А кто тебя заставляет общаться? – тут же возразила Ирка. – Ты же не психологом станешь и не официантом даже. Тебе заказали кофе – ты сварила. «Спасибо» – «Пожалуйста, с вас сто рублей». И общаться ты будешь не с людьми, а со своим любимым напитком в виде латте, эспрессо, американо, капучино и что там ещё бывает.

Слова подруги просто бальзамом лились в мою мятущуюся душу.

– Как я рада, что ты у меня есть. – Я расчувствовалась, даже ощутила, как к глазам подступают слёзы. – Мать-то меня в жизни не поддержит...

– Зато я тебя всегда поддержу, – заверила Ирка. – В любом начинании. Например, если ты сейчас решишь заказать ещё по пироженке.

Всю дорогу, добираясь на метро из центра в наш спальный район, я думала о словах Ирки. Собственно, подруга только озвучила мои собственные мысли, ведь я сама уже почти решила, что, получив новую специальность, уволюсь из своей

фирмы. И в конце концов, поднимаясь по эскалатору, я загадала: если мне, как Лилии из зелёной тетради, тоже суждено раз и навсегда изменить свою жизнь, то на пути до дома судьба обязательно даст мне какой-то знак. Что именно это будет, я сама не знала и потому, шагая по улице, внимательно смотрела по сторонам и прислушивалась к разговорам прохожих – вдруг, как и Лилия, услышу какую-то подсказку? Но вокруг всё было как обычно: сумерки тёплого весеннего вечера, шум автомобилей, свет окон, витрин и фонарей, запах машин и бессмысленная болтовня по мобильникам. Ничего из этого и близко не напоминало знак судьбы.

Уже почти полностью разочарованная, я свернула к своему дому как раз вовремя: начал накрапывать дождь. Я машинально вытянула руку, определяя, не показалось ли мне, – и тут прямо в мою раскрытую ладонь опустилось маленькое белое пёрышко.

* * *

С курсами всё оказалось настолько просто, что я только ахнула. Сначала почему-то представлялось, что меня ждёт нечто вроде второго университета с долгими месяцами обязательного посещения пар в толпе однокашников, но тут всё выглядело совсем иначе. Программа курсов не свалила всё в одну кучу, как было в моём вузе, а делилась на специализированные, короткие насыщенные циклы, чтобы каждый сту-

дент мог выбрать для себя именно то, что ему нужно в данный момент, выучив что-то сейчас, а что-то отложив на потом. Я решила начать с базового курса и продвинутого курса «Латте-арт» и три недели по вечерам и выходным старательно посещала индивидуальные занятия, на которых милостивая девушка Елена и симпатичный парень Антон (оба как минимум лет на двенадцать младше меня) показывали, как священнодействовать с кофемашиной, создавая настоящие шедевры – и по вкусу, и по аромату, и по красоте. Кое-что из того, чему меня обучали, я уже знала: всё-таки недаром столько лет читала статьи и смотрела соответствующие программы по телевизору и подкасты в интернете, – но было и такое, что я услышала первый раз или о чём знала, но сама не умела. Так что о потраченных на обучение деньгах я ничуть не пожалела. Особенно когда по окончании курсов мне выдали красивый сертификат и подтвердили, что в любую минуту готовы трудоустроить меня в качестве бариста, как только я сама изъявлю такое желание.

Печатая на своем рабочем компьютере заявление об уходе, я испытывала очень смешанные чувства. Основой явно было облегчение: сильно радовало то, что мне больше никогда не придётся терпеть придирки Змеюки и видеть всех этих неприятных людей. Но в то же время я не могла не испытывать определенную долю горечи: всё же этому месту и этой компании я отдала столько лет... И после того как я положу заявление на стол руководству, моя жизнь уже никогда

не будет прежней. Это было дико страшно, но одновременно и приятно волновало. Я допила кофе, который сегодня особенно бодрил и пах свежим ветром и решительностью, подхватила вылезший из принтера листок и пошла в кабинет Змеюки, непривычно громко даже для самой себя стуча каблуками.

– Екатерина, вы меня удивляете...

Директриса и впрямь выглядела ошарашенной – не ожидала, видимо, подобной выходки от той, кто столько времени безропотно терпел все её издевательства.

– Я отработаю положенные законом две недели... – сообщила я. Несмотря на то что эта фраза была подготовлена заранее, голос предательски дрожал – не так-то просто избавиться от старой привычки робеть перед начальством.

– До конца месяца, – закончила я, изо всех сил стараясь не запинаться.

– Может, вы всё же ещё подумаете?

Было такое чувство, что Змеюка не столько разозлилась, сколько растерялась.

– Ведь вся офисная жизнедеятельность держится на вас, – продолжала начальница.

Тут уже настала моя очередь удивляться. С каких пор она это признаёт?

– Но двух недель хватит, чтобы найти мне замену. Я помогу с обучением, – мой голос теперь действительно зазвучал увереннее.

– Да не в этом дело! – воскликнула Змеюка и для пущего эффекта даже взмахнула традиционно унизанной кольцами рукой. – Просто это так неожиданно... Вас что, кто-то переманил к себе?

Мне стало смешно. Да как вообще такое можно подумать? Кому может прийти в голову куда-то переманивать **меня**?

И поскольку я сразу не нашлась, что ответить, Змеюка, устремив на меня взгляд, в котором впервые за всё время нашего знакомства читалось не презрение, а просьба, пробормотала:

– В принципе, мы можем обсудить с вами повышение вашего оклада. Я поговорю с вышестоящим руководством...

Чудеса в решете. С чего такие перемены? Но я была уже решительно настроена на увольнение, поэтому лишь отрицательно покачала головой. Дома лежал аккуратно упакованный в файл сертификат об окончании курсов, и никакие дополнительные несколько тысяч в месяц не могли сбить меня с намеченного пути.

До конца рабочего дня я только и делала, что продолжала удивляться. Новость о моём уходе быстро разнеслась по офису, и все коллеги, которые раньше, как казалось, в упор меня не замечали, подходили к моему столу один за другим, утверждая, что моё увольнение – большая потеря для компании. Даже надменная долговязая Олеся, новый менеджер по рекламе – и та выглядела искренне огорчённой.

– Тут же всё без тебя рухнет, – пробормотала она и уго-

стила дорожкой швейцарской шоколадкой.

Последней каплей стали слова хипстера Миши, заявившего, что он будет по мне скучать.

– Не представляю, что приду на работу, а в офисе не будет пахнуть твоим замечательным кофе, – произнёс он со своей вечной неотразимой улыбкой. – У тебя он почему-то пахнет как-то особенно, как ни у кого.

Я была так тронута, что даже чуть не разболтала ему о своих планах, но вовремя прикусила язык. Чем меньше говоришь, тем меньше шансов сглазить.

Ночью я долго не могла уснуть, всё ворочалась с боку на бок и думала, что Ирка, возможно, права и что основная проблема в общении с коллегами крылась у меня в голове. Оказывается, люди относились ко мне совсем не так плохо, как я считала. И, возможно, многие из них вовсе и не были токсичными, как называла их Ирка. Ведь им тоже пришлось нелегко: они начали работать на новом месте, в незнакомом коллективе, и, видя меня первый раз, сами вполне могли принять мою замкнутость и сдержанность за недоброжелательность... Странно, что мне это раньше даже в голову не приходило. Но теперь уже ничего не попишешь, что было, то было, вернуться назад и исправить ошибки, пока, увы, никому ещё не удавалось.

После того как Александра Павловна со вздохом подписала моё заявление, оставалось самое тяжелое – разговор с матерью. Я несколько дней подряд обдумывала, как преподне-

сти ей новость, но идеального сценария беседы разработать так и не удалось – как ни крути, но зависеть всё будет не от меня. Начала разговор я в пятничный вечер. После традиционно безвкусного ужина мать, как обычно, сидела перед телевизором, смотрела очередной сериал и вязала тёплые носки, которым предстояло стать подарком мне на день рождения. Когда серия закончилась и началась реклама, я выключила телик, повернулась к матери и решительно произнесла:

– Мне надо кое-что тебе сказать.

– Ты беременна? – встрепенулась мать, чуть не выронив вязание, и я не поняла, чего больше было на её лице, испуга или радости.

– Нет, конечно! Господи, с чего ты взяла?

– Не знаю. Но разве не с этих слов девушки начинают, когда признаются родителям в своей беременности?

– Откуда я знаю? Я никогда не была беременна.

– А жаль, – заключила мать, снова беря в руки спицы.

Сюр какой-то. И как после этого прикажете продолжать? Ладно, всё равно назад дороги нет.

– Я увольняюсь.

Ответом была тишина. Я снова посмотрела на мать – та ничего не говорила, только считала шёпотом петли, и это сильно раздражало.

– Ты же знаешь, что я не люблю свою работу, да и получаю копейки, – продолжила я, сама слыша неприятную дрожь в собственном голосе. – В общем, я не хочу остаток жизни по-

тратить на что-то подобное.

Она зыркнула на меня поверх очков:

– И ты нашла работу получше?

– Пока нет, но скоро найду.

Мать молчала, а я замерла, готовясь к тому, что с минуту на минуту разразится скандал.

– Ну, месяц-другой мы вдвоём на мою пенсию ещё проживём... – задумчиво проговорила она, когда пауза уже стала казаться мне невыносимой. – Запасы есть, я только сегодня гречки купила...

– Слушай, ну что ты такое говоришь! – возмутилась я. – Уж конечно, я увольняюсь вовсе не для того, чтобы сесть тебе на шею. У меня есть план, я уже окончила курсы с последующим трудоустройством и получила новую специальность. Так что работа будет!

– И что за специальность? – мне показалось или в её голосе зазвучал интерес?

– Бариста.

– Это ещё что такое? – хмыкнула мать. – Звучит как проститутка.

Я прикусила губу, чтобы не заорать.

– Профессия есть такая – люди, которые готовят кофе, – объяснила я, с трудом взяв себя в руки. – Как бармен, но только специализирующийся на кофе.

– Так ты же умеешь варить кофе, – удивилась мать.

– Умела, но как любитель, – терпеливо объяснила я. – Что-

бы работать профессионально, моих умений было недостаточно.

– Так вот где ты пропадала вечерами... – пробормотала мать, не переставая орудовать спицами. – А я-то грешным делом порадовалась, что у тебя кто-то появился...

– Опять ты за своё! Слушай, ну сколько можно, а? – Я решительно поднялась с дивана, собираясь выйти из комнаты.

– И дорогие они были, эти твои курсы? – остановил меня её вопрос.

– Да какая разница? – огрызнулась я. – У меня нашлись деньги.

– Те, что ты на отпуск весь год копила? – Мать осуждающе покачала головой. – А теперь, получается, всё лето без отдыха в городе просидишь, в пыли и духоте?

Ну почему, почему у нас никогда не получается поговорить без конфликта?

– Слушай, с тобой невозможно разговаривать! – всё-таки не выдержала я. – Как ты не понимаешь, что для меня воплощение мечты куда важнее поездки на море!

Я уже готова была выйти не просто из комнаты, но и сбежать хоть на время из дома, так меня это всё измучило. Но мать вдруг поднялась, забрала своё вязание и сама направилась к двери.

– Ладно, делай как знаешь, – пробурчала она, покидая мою комнату. – Это твоя жизнь, и ты уже достаточно взрослая, чтобы самой ею управлять.

Она ушла к себе. Я торжествовала. В этой битве я одержала верх, и всё получилось даже легче, чем я ожидала. Впервые в жизни я, кажется, взяла в руки пульт от собственной жизни, о котором писал автор зелёной тетради...

* * *

Удивительное везение продолжалось и дальше – уже в понедельник утром мне предложили работу. До этого, признаться, я сильно боялась, что обещания курсов обманут и мне придётся искать место самой. Такая перспектива невероятно, до дрожи в коленках, пугала, даже несмотря на то что, как неожиданно выяснилось, найти в Москве работу в кофейне было не так уж трудно. На сайтах по трудоустройству, куда я на всякий случай заглянула, внезапно обнаружилось много вакансий для бариста – уж куда больше, чем для секретарей в возрасте под сороковник.

Работать мне предстояло в маленькой кофейне при продуктовом магазине в десяти минутах ходьбы от кольцевой станции метро. Собственно, это была даже не кофейня в полном смысле этого слова, а просто стойка в углу рядом со входом в универмаг. Места в том закутке было мало, даже стулья для посетителей поставить негде, так что кофе продавали только навынос, в бумажных стаканчиках с логотипом магазина, но это меня, пожалуй, даже устраивало, так как ограничивало общение с клиентами. Получалось, что мне не

придётся каждый раз преодолевать свою застенчивость, разговаривая с незнакомыми людьми: выполнила заказ, забрала деньги, отдала стаканчик – и до свидания.

Понравилось мне и то, что здесь в отличие от прежней работы меня почти никто не контролировал. Начальник, он же директор магазина, пожилой кавказец, которого все в глаза и за глаза звали Рафик (только позже я с удивлением узнала, что это и есть его полное имя, а не сокращённое и тем более не прозвище), был слишком занят, чтобы следить за мной, как это, бывало, постоянно делала Змеюка. Он лишь иногда заглядывал ко мне в течение дня да забирал по вечерам выручку. Работать предстояло по графику «два через два», в очередь с молоденькой девушкой Светой, всего месяц назад приехавшей в столицу из Перми. Света мечтала стать вокалисткой в рок-группе, а в ожидании успеха и славы устроилась подрабатывать в качестве бариста. К моему изумлению, она даже не заканчивала никаких курсов, не говоря уже о более серьёзном образовании, а обучилась варить кофе сама, у двоюродного брата, который держал кофейню в родном городе. Из любопытства я сразу же после знакомства попробовала её кофе и с гордостью убедилась, что мой гораздо лучше.

К первому своему рабочему дню я готовилась очень тщательно, точно собиралась на свидание с любимым мужчиной. Очень радовало то, что больше не требовалось соблюдать дресс-код и можно носить то, что удобно, а не туфли

на каблуках и строгие офисные костюмы, которые, как ни подберишь, всё равно неудачно сидели на моей, мягко говоря, весьма далёкой от идеала фигуре. А для работы в кофейне я надела любимые летние брюки и новую чёрную футболку с принтом. Покупка футболки влетела в копеечку, но очень уж мне понравился рисунок – пушистое белое перо, похожее на то, что упало мне в руки в тот самый вечер, когда я приняла решение изменить свою судьбу.

Конечно, идя первый раз на новую работу, я страшно волновалась. Всё-таки придётся иметь дело с людьми, а с моим характером это совсем непросто. Вдруг я не справлюсь? Вдруг клиенты будут мной недовольны или директору Рафику что-то не понравится и он сразу же уволит меня? Чтобы хоть немного успокоить себя, я прибегла к испытанному средству и загадала: если первым моим посетителем будет мужчина и он уйдёт довольным, то всё будет хорошо и вся моя дальнейшая карьера сложится удачно.

На рабочем месте я была задолго до восьми и долгое время оставалась в гордом одиночестве. В ожидании старательно протирала стойку и уже отполировала её до блеска, а клиентов всё не было. Редкие посетители входили в магазин и, часто даже не посмотрев в мою сторону, сразу направлялись в торговый зал. Но вот наконец-то один из них свернул от дверей прямо ко мне, и сердце радостно стукнуло. Это был мужчина! Блондин лет сорока, да ещё к тому же и очень привлекательный. Высокий рост, широкие плечи и ухоженная

рыжеватая борода делали его похожим на викинга. Он заказал капучино, и, готовя для него кофе, я старалась так, словно решала вопрос жизни и смерти... А когда викинг, расплачиваясь картой, улыбнулся мне, точно старой знакомой, я почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Это явно был знак судьбы, причём добрый знак. Я всё сделала правильно!

Следом за викингом потянулись и другие клиенты. Вскоре я поняла, что напрасно беспокоилась – жаловаться на недостаток посетителей совсем не приходилось. Вокруг, очевидно, было немало офисов, и их сотрудники заходили за кофе перед работой, а едва их поток иссяк, появились студенты близлежащего вуза. Все были милы и вежливы, я в ответ улыбалась каждому посетителю, и, на удивление, это оказалось совсем не сложно, ведь на душе у меня было так же светло и солнечно, как в этот погожий день за окном. Я занималась любимым делом, с наслаждением купалась в волнах кофейного аромата и чувствовала себя принцессой, владычицей собственного, пусть маленького, но волшебного королевства. Моя сказка, моя заветная мечта стала былью.

На счастье, поток клиентов оказался неравномерным, что называется, то густо, то пусто, так что в течение дня я целых четыре раза успела перекусить, выпить кофе с купленными тут же, в магазине, сэндвичами и пирожными. И в итоге рабочий день пролетел быстро, даже несмотря на то что в нём было не восемь, как я привыкла, а целых четырнадцать ча-

сов. Домой я возвращалась уже затемно, не чуя под собой ног от усталости, но при этом чувствуя себя абсолютно счастливой. Час пик давно прошёл, в метро было полно свободных мест, и, с комфортом устроившись на сиденье, я всю дорогу переписывалась с Ирккой, делясь с ней своими восторгам. Подруга, как всегда смотревшая на вещи практично и трезво, пыталась несколько охладить мой пыл сообщениями в стиле: «Ну-ну, поглядим, что будет дальше», но я не сомневалась, что и дальше всё тоже будет хорошо. Не зря ведь я надела майку с пёрышком! И первым покупателем оказался мужчина, да ещё и симпатичный...

Дома я была почти в одиннадцать. Обычно мать в это время уже ложилась, но сегодня она изменила себе и ждала меня с горячим ужином. В честь моего первого рабочего дня она сделала исключение и не потчевала меня никакой диетической бурдой, а налепила пельменей и даже купила на рынке густой деревенской сметаны.

– Ну как ты, Катюша? – заботливо расспрашивала мама, сидя напротив меня и наблюдая, как я ем, без намёка на обычное осуждение на лице. – Как тебе на новой работе?

– Хорошо, даже очень. Только устала немного.

– Так неудивительно... – Она вздохнула и подпёрла щеку рукой. – Целый день, с утра до ночи, на ногах... Что подделаешь – сама выбрала. Охота пуще неволи... Но ты и правда довольна?

– Очень, – совершенно искренне ответила я. – Кофе – это

ведь *моё*, понимаешь? Это то, чем хотела заниматься всю жизнь.

– Ну и слава тебе, господи... – Мать поднялась, забрала у меня пустую тарелку и, направляясь к раковине, всё же не удержалась от вопроса: – А что за люди к тебе ходят? Мужчины-то есть? Может, даст бог, познакомишься с кем-нибудь...

– Ну маааам! Опять ты за своё!..

* * *

Первое время, наверное, несколько недель, я буквально наслаждалась своей работой. Мне нравилось в ней почти всё, но особенно, конечно, запах кофе и шипение воздуха из кофемашины, взбивающего молоко в пенку. Я целый день делала то, что всегда любила, и мне за это ещё и платили зарплату. Ну просто чудеса какие-то! Вручая клиентам бумажный стаканчик, я воображала себя кофейной феей, раздающей людям волшебство, и действительно почти верила в то, что сваренный мною кофе подарит каждому из них удачу, ведь мне так этого хотелось. К моему удивлению, работать с людьми оказалось не так уж тяжело. Размеры кофейни не позволяли в ней расслаживаться, поэтому крайне редко кто-то задерживался, чтобы выпить напиток перед стойкой и поболтать со мной – разве уж когда на улице лило как из ведра. В остальных случаях все просто делали заказ, забирали его, расплачивались, благодарили и уходили. Сначала меня это

вполне устраивало, но через некоторое время я, к полному собственному изумлению, обнаружила, что хотела бы даже и большего общения. Мне были интересны многие из проходящих людей, нравилось наблюдать за ними, придумывать для себя их характеры, судьбы, отношения. Интересно, вот эти юноша и девушка, судя по их весёлой болтовне, студенты какого-то гуманитарного вуза – они парочка? Или просто друзья? Ведь со стороны заметно, что они нравятся друг другу, хотя, может быть, ещё пока и сами этого в полной мере не осознают... А вот этот худощавый седоусый мужчина, с роскошной, пусть тоже уже серебряной шевелюрой явно чем-то сильно расстроен. Когда я это поняла, захотелось посочувствовать, даже поинтересоваться, что у него случилось, но я не осмелилась. Пока я поддерживала беседу только с постоянными клиентами, и то, когда они начинали разговор первыми. А постоянных клиентов в нашей кофейне было немало, и у меня быстро появились среди них свои любимцы. Например, тот самый смахивающий на викинга блондин, который стал первым моим клиентом, или элегантная, похожая на французскую актрису женщина со стильной стрижкой. В отличие от «викинга» она заходила нечасто, каждый раз брала разные виды кофе, и мы с ней неизменно улыбались друг другу. Мне она очень нравилась, и, как мне казалось, симпатия была взаимной.

Уже через неделю или две я стала уставать гораздо меньше. Наступило лето, старшеклассники и студенты сдали эк-

замены и ушли на каникулы, работающий народ начал уходить в отпуска, и посетителей у нас заметно поубавилось. В будние дни наплыв случался только утром и вечером, а днём мне нередко удавалось передохнуть, самой выпить кофе и почитать или посидеть в интернете. Правда, это не очень нравилось Рафику, но я быстро наострилась отслеживать приближение начальства и вовремя прятать книжку или телефон – спасибо Змеюке, у меня имелся немалый опыт в подобных делах. Как-то раз мне в соцсети «принесло лентой» фразу: «Счастливый человек – этот тот, кто утром с удовольствием идёт на работу, а вечером с тем же удовольствием идёт домой». Я примерила эти слова на себя и с изумлением обнаружила, что действительно чувствую себя почти счастливой. Раньше я каждый выходной норовила куда-нибудь сбежать из дома, только чтобы поменьше общаться с матерью, и в результате ничего не успевала, никогда не чувствовала себя отдохнувшей после выходных и в понедельник шла на работу как на каторгу. А сейчас у меня вдруг появилось много свободного времени, ведь я работала «два через два», и выходные получались часто, а не раз в неделю, в субботу и воскресенье. Я впервые за много лет стала высыпаться, много читала, вернулась к давно забытому увлечению вышивкой и смотрела фильмы и сериалы, до которых раньше всё никак не доходили руки. А ещё я стала больше помогать матери, и ей это очень нравилось. Я начала замечать, что с тех пор, как я сменила работу, мама как-то смягчилась, стала

менее раздражительной, менее подверженной этим невыносимым перепадам настроения. И это не могло не радовать, даже несмотря на то что её вечные причитания насчёт моей несложившейся личной жизни, конечно же, никуда не делись.

Правда, при всём при этом с Ирккой мы стали видеться гораздо реже. Пару раз она приехала вечером ко мне в кофейню, но потом отказалась от этой затеи – народ идёт косяком, не поболтать, да и ехать в центр по пробкам ей совсем не понравилось. И так как мои выходные не всегда приходились на субботу или воскресенье, наши с подружкой уик-эндные походы по кафе сократились, мы общались теперь преимущественно онлайн.

– Смотрю, ты там прямо расцвела, – замечала Ирка, болтая со мной по видеочату. – Небось кофе теперь уже хлещешь не ведрами, а цистернами?

– Не угадала, – смеялась я. – Кофе я теперь больше варю, чем пью. Для разнообразия подседа на травяные чаи и смузи – раз появилась такая возможность, грех ею не воспользоваться.

– Нью-нью, – хмыкала Ирка и торопливо прощалась.

Конечно, было жаль, что в этом году наша с ней поездка на отдых не состоялась. Я ведь работала на новом месте всего несколько месяцев, и ни о каком отпуске этим летом не могло быть и речи. Впрочем, Ирка быстро нашла выход и укатила на юга с большой компанией своей двоюродной сестры.

Оставшись без общества подружки, я с горя стала больше гулять по городу. Ездила в парки, ходила по набережным, искала новые кафе и рестораны, изучала кофейни конкурентов и просто бродила по тихим улицам и переулкам, наслаждаясь хорошей погодой, так как лето выдалось отличное, малождливое и в меру жаркое.

* * *

Ирка вернулась с моря загорелая до черноты, с сияющими, как южные звёзды, глазами и, как обычно, переполненная впечатлениями. Под горячим крымским солнцем у неё случился бурный роман со спортсменом из их компании, который был младше неё на целых восемь лет. Спортсмен носил экзотическое имя Дементий, обладал, судя по многочисленным фотографиям, которые с гордостью демонстрировала Ирка, умопомрачительной фигурой и был, судя по недвусмысленным намёкам подруги, столь же умопомрачительным любовником.

– Слушай, Катька, а ты что-то похудела, – заметила Ирка, когда её рассказ о спортсмене с обилием пикантных подробностей наконец иссяк. – Сильно выматываешься на работе, да?

Я пожала плечами.

– Да нет, я бы не сказала. Просто гуляю много. Лето же, погода хорошая...

Однако Ирка сочла своим долгом мне не поверить:

– Ну да, будет она мне рассказывать! Я ведь знаю, ты же пашешь по четырнадцать часов в сутки. По-хорошему, за подобную эксплуатацию работников твоего начальника, как его там, вообще к суду надо привлечь! Как он, сильно тебя донимает? Не пристаёт, случайно?

– Да что ты, Ир! – Я даже расхохоталась от такого предположения. – Ему шестьдесят пять лет, у него жена, дети, четвёртый внук недавно родился. Какие приставания?

– Ну-у знаешь... Кавказские мужчины – они такие... – Ирка выразительно закатила глаза. – Они и в шестьдесят, и в семьдесят ещё бывают о-го-го. Ну а мать твоя как? Небось весь мозг тебе вынесла в моё отсутствие?

– Да нет, ты знаешь, не вынесла, – поделилась я. – Мы с ней сейчас на удивление мирно живём, ссоримся редко.

– Ну, это временно, – авторитетно заметила подруга. – Видимо, у неё краткое просветление или как там это называется при её болезни... Вот увидишь, скоро всё вернётся на круги своя. Осенью всегда бывают обострения, а осень не за горами. Так что готовься.

Ирка как в воду глядела – с приближением осени моё радужное настроение стало постепенно таять. Правда, мама тут была совершенно ни при чём, с ней у нас как раз всё было в порядке. В сентябре, пока было тепло, я отправила маму на три недели в санаторий и сама удивилась, как пусто и одиноко стало без неё в квартире. Вдруг неожиданно выяс-

нилось, что, «сидя дома», мама незаметно успевала переделать кучу дел, о которых я сама особенно даже не задумывалась, но которые вдруг резко навалились на меня, когда некому стало ими заниматься, и обнаружилось, что квартира сама себя не уберёт, чистая одежда не окажется волшебным образом в шкафу, а еду нужно не только покупать в магазине, но ещё и готовить. Но дело было даже не в домашней работе – оказалось, что приходиться поздно вечером в пустой и тёмный дом, где даже не с кем перекинуться словом, на редкость тоскливо. Конечно, я общалась с Иркочкой и другими знакомыми по интернету, но это было совсем не то. Ведь на всём свете существует только один человек, которому действительно небезразличны твои дела, – и этот человек твоя мама. Она тоже сильно скучала по мне, находясь в санатории, но всё же тамошние процедуры, свежий воздух и отдых от домашних забот явно пошли ей на пользу, она вернулась поздоровевшей, помолодевшей и даже почти довольной.

Так что появившиеся в моей жизни проблемы были связаны не с мамой, а с работой. К осени её значительно прибавилось, люди возвращались из отпусков и с дач, и посетителей стало больше. Обещанного начальником повышения зарплаты так и не произошло. Я несколько раз, с трудом набравшись смелости, начинала об этом разговор с Рафиком, но он каждый раз находил какие-то отговорки.

Подкосило меня то, что напарница Света внезапно, никого не предупредив, уволилась. Никакой певицей она, конечно,

но, не стала, просто вернулась домой, где, как выяснилось, вступила в наследство на оставленную бабушкой квартиру. Рафик чуть не со слезами на глазах умолил меня временно её заменять, и я согласилась, будучи уверенной, что это ненадолго. Несколько дней, максимум неделя – и появится второй бариста, придёт по объявлению или пришлют, как когда-то меня, после курсов. Но время шло, а вакансия так и оставалась открытой, все, кто приходил на собеседование, считали, что зарплата здесь слишком низкая, а условия труда слишком тяжёлые. Рафик ходил злой, ругался по-азербайджански, но и не думал что-либо менять. А я работала без выходных, с раннего утра до позднего вечера.

Мама меня очень жалела, каждый вечер ждала с горячим ужином и даже постель стелила, чтобы я сразу могла прийти и лечь.

– Ох, Катька... – бормотала она, сидя напротив и наблюдая, как я ем. – И на кого ты только похожа стала – краше в гроб кладут. Похудела, даже аппетит пропал... День-деньской на ногах, разве так можно? Слушай, а может, уволишься? Вернёшься в эту твою старую фирму? Там ты, по крайней мере, не так выматывалась...

– Нет, мам, я туда ни за что не вернусь. Здесь я занимаюсь любимым делом, – отвечала я, несколько не кривя душой. Варить кофе мне по-прежнему нравилось.

– Ну так, может, в другое место перейти? – предлагала мама. – Не сошёлся же клином свет на этом твоём Рафике,

чтоб ему пусто было. Есть и другие кофейни в Москве.

И я понимала, что она права. Впервые за долгое время я была полностью согласна с мамой.

Подруга Ирка снова была рядом, пусть и виртуально. Она почти каждый день появлялась, чтобы узнать, как мои дела, и, как обычно, сыпала рекомендациями.

– Понимаешь, Катька, у тебя неправильные жизненные установки, – писала она мне в мессенджере. – Поэтому какой бы дорóгой ты ни пошла, в итоге всегда приходишь к одному и тому же. Тебе обязательно надо разрешить себе быть счастливой. Это ведь совсем не сложно. Просто повторяй каждое утро, как проснёшься, и каждый вечер перед сном: «Я разрешаю себе быть счастливой». Я вот постоянно так делаю, особенно с тех пор, как Дёмка меня бросил.

Но мне было не до мантр, я всерьёз обдумывала план поиска новой работы. Смотрела объявления о вакансиях, видела, что их много, выбирала – теперь у меня уже был опыт, и я не только могла позволить себе выбирать, но и знала, чего хочу. Проблема была только в одном – в собеседовании. Когда, скажите на милость, я могла поехать на встречу, если работала семь дней в неделю от рассвета и до заката? Однако, как ни странно, я не впала в отчаяние. С недавних пор я действительно стала чувствовать где-то в глубине души, что в итоге всё действительно обязательно будет хорошо. И это без всяких Иркиных мантр.

Так подошла к концу осень, приближалась зима. Я уже давно ходила на работу и возвращалась с неё в полной темноте, так что смену сезонов заметила только по тому, что стало ещё холоднее, а слякоть под ногами сменялась иногда тонким слоем свежесвыпавшего снега.

В то утро я пришла в кофейню в твёрдой уверенности, что сегодня наконец обязательно сообщу Рафику, что увольняюсь, и не стану слушать никаких его уговоров и оправданий. Вот прямо сразу начну день с разговора с ним. Но, как это обычно и случается, выяснилось, что загад не бывает богат – в том смысле, что директор появится не раньше обеда. Так что мне ничего не оставалось, кроме как приступить к своим обязанностям. Первым посетителем в то утро снова был тот симпатичный бородатый блондин. Я уже знала, что его зовут Олег – вполне подходящее имя для викинга, – и мы с ним перекинулись парой шуток. А ближе к одиннадцати заглянула и другая моя любимая постоянная клиентка, похожая на француженку. Заказав фруктовый чай по моему новому рецепту, она одобрила его вкус и вдруг сказала:

– Катя, я хотела бы поговорить с вами.

– Слушаю, – откликнулась я, не скрывая удивления. То, что она знает моё имя, оказалось для меня новостью.

– Можно я задам вам прямой вопрос? – улыбнулась кли-

ентка. – И заранее прошу прощения, если он покажется несколько бестактным. Скажите, Катя, вы довольны своей работой?

– Э-э-э... – только и смогла произнести я. – А что?

– Понимаете ли... – начала она и тут же перебила сама себя: – Ой, извините, я не представилась. Меня зовут Елизавета.

– Очень приятно... – пробормотала я в ответ.

– Так вот, Катя, – продолжала Елизавета, улыбаясь немного застенчиво, что, надо сказать, делало её ещё более симпатичной, – дело в том, что я наконец открыла ещё одну кофейню.

– О, я даже не знала, что вы владелица кофейни...

– Уже трёх. Третья может начать работать хоть завтра.

– И где же она? – вежливо осведомилась я, следуя привычке поддерживать с клиентами разговор на интересующие их темы.

– Неподалёку от Тверской, в переулках. Место тихое, малолюдное, но в этом есть и плюс – вокруг нет конкурентов.

Я понимающе кивнула, уже догадываясь, куда она клонит, но не подавала виду, поскольку боялась ошибиться.

– И мне пришла мысль переманить вас к себе. – Елизавета снова обаятельно улыбнулась.

Я тоже улыбнулась в ответ, хотя, думаю, моя улыбка выглядела не столь приятной и располагающей, как её, а скорее обалдевшей. Хотя и довольной. В этот момент мне живо

вспомнилось увольнение с прошлой работы, возмущённый вопрос Змеюки: «Вас что, кто-то переманил к себе?» – и собственная уверенность, что никто и никогда не захочет меня переманивать... С тех пор прошло не так уж много времени, всего семь месяцев. А кажется, что это было так давно... Совершенно в другой жизни.

– Я давно наблюдаю за вами, – продолжала тем временем Елизавета. – Мне нравится, как вы работаете, как общаетесь с людьми. И особенно мне нравится, как вы готовите кофе. Видно, что вы это по-настоящему любите. Словом, буду рада, если вы подумаете над моим предложением. Если хотите, могу прямо сейчас озвучить условия.

– Хочу... – пробормотала я, всё ещё не придя в себя от изумления.

Как нетрудно догадаться, условия были лучше, чем на моём нынешнем месте, где я так и продолжала работать без выходных. И зарплату Елизавета обещала повыше, но дело было совсем не в деньгах, а в самом факте поступившего предложения. Я всё ещё не могла поверить в то, что меня выбрали и приглашают на работу специально.

– Если вы заинтересовались, то, может быть, прямо сейчас и договоримся, когда вы подъедете посмотреть кофейню? – предложила Елизавета.

– Но... – замялась я, не зная, что ответить. – Понимаете... Я сейчас работаю без выходных, с восьми до десяти. Нет сменщицы...

– Ничего страшного, – заверила она. – Я ранняя пташка, и вполне могу встретиться с вами в семь. В какой день вам удобно?

– Давайте прямо завтра! – вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Новая кофейня Елизаветы меня просто очаровала. Это было пусть и небольшое, но настоящее кафе, оформленное в стиле прованс – с удобной стойкой, тремя столиками, деревянными стульями и лавкой, крашенными белой, чуть потрескавшейся, будто выгоревшей на солнце краской, с яркими розами на подушках, композициями из засушенных цветов и лёгкими, почти прозрачными занавесками, обрамляющими большие окна. Всё было готово и ждало только посетителей.

– Может, обновим технику и выпьем по чашечке кофе? – предложила Елизавета.

– Давайте я приготовлю! – тут же вызвалась я.

Было так здорово сделать здесь кофе и подать его в чашках, а не в бумажных стаканчиках. Вспомнив навыки латте-арт, я решила украсить поверхность молочным узором и почти не удивилась, когда из-под моих рук будто само собой, без моего участия, появилось пёрышко – точь-в-точь такое, что когда-то слетело мне в руки прямо с небес, как знак судьбы.

– Как мило, – улыбнулась Елизавета, увидев рисунок. – А я-то ломаю голову над эмблемой кофейни. С удовольстви-

ем сделала бы это пёрышко нашим символом... Если, конечно, вы примете моё предложение, – спохватившись, добавила она.

И мне оставалось только ответить, что я готова выйти сюда на работу хоть с завтрашнего дня.

* * *

– Катя? Это вы? Вот так встреча!

Услышав этот голос, я даже слегка вздрогнула, потому что, ещё даже не повернувшись к стойке, уже безошибочно угадала, кому он принадлежит. Поспешно вытирая руки полотенцем, я изо всех сил старалась, чтобы моя довольная физиономия не выглядела слишком уж глупо.

Передо мной, приветливо улыбаясь, стоял «викинг» Олег. Вот уж никогда не думала, что он вдруг опять появится в моей жизни – тем более вот так, просто зайдя в мою кофейню.

– Здравствуйте, Олег, – наконец выдавила я из себя.

– Рад, что вы меня помните. – Он ещё шире расплылся в улыбке.

– Постоянных клиентов не забывают.

– Всё равно приятно, что узнали. Я-то вас сразу узнал. Хотя вы изменились.

– В лучшую или в худшую сторону? – Если бы год назад кто-то сказал мне, что я смогу так кокетливо разговаривать, да ещё с мужчиной, который мне нравится, я бы ни за что

не поверила.

– Исключительно в лучшую, – заверил он. – Стали ещё симпатичнее. Нет, правда, я очень рад, что вот так неожиданно вас встретил. Знаете, с вашим уходом та кофейня при магазине совсем испортилась. Вместо кофе там теперь подают какую-то невозможную бурду...

– Вам, как всегда, латте? – уточнила я и тут же мысленно обругала себя за этот вопрос. А вдруг он подумает, что я таким образом хочу побыстрее спровадить его восвояси?

– Да, я верен себе, – со всей серьёзностью произнёс Олег. – А вы, значит, теперь здесь? И как у вас дела на новом месте?

Взяв чашку, я повернулась к кофемашине. Ах, если бы он только знал, сколько мне хотелось ему рассказать! Прежде всего, конечно, то, как рада я была этой случайной встрече. Там, на прошлом месте работы, я запрещала себе думать о нём, так как не сомневалась, что у такого интересного парня, конечно же, всё нормально в личной жизни, что у него наверняка есть девушка или даже, скорее всего, семья и то, что он не носит обручального кольца, ровным счётом ничего не значит. Но всё равно каждое утро я с замиранием сердца ждала, когда откроется дверь и он войдёт... И даже здесь, в этой кофейне, я постоянно ловила себя на мысли: «Всё здесь хорошо, только Олега нет».

Впрочем, мне хотелось рассказать ему не только это. А ещё и то, что Елизавета оказалась чудесной женщиной, ставшей для меня скорее старшей подругой, чем начальницей. И

что вот уже скоро месяц, как я сделалась её заместителем, управляющей этой точкой, и даже уже сама нанимаю персонал. Рассказала бы я Олегу и то, что мама была так счастлива узнать о моём повышении, что даже её анализы стали лучше. Да и вообще многое в моей жизни изменилось к лучшему, если не считать ссору с той, которую я всю жизнь по наивности считала лучшей подругой.

Когда я рассказала о повышении Ирке, та чуть ли не позеленела вся.

– Управляющей? – переспросила она на редкость неприятным тоном. – Да ладно! Ты врешь.

В первый момент я просто опешила:

– Ир, почему?

– Да по кочану! Кто ж тебя пустит на руководящую должность? – продолжала она, нимало не смутившись. – Надо вообще не разбираться в людях, чтобы тебе такое предложить!

– Но ты же руководишь отделом в своём банке... – начала я, но Ирка резко меня перебила:

– Так то я, а то ты. Сравнила тоже! Ты ж всегда была неудачница по жизни.

Ещё несколько минут я сидела ошарашенная, просто не веря своим ушам. Очень хотелось думать, что всё это мне просто почудилось или что подруга пошутила, сейчас рассмеется и скажет: «Здорово я тебя разыграла, да?» Но выражение лица Ирки не оставляло никаких сомнений в том, что всё услышанное было правдой и говорилось всерьёз. Она

действительно злилась, злилась так, будто эту руководящую должность я отобрала у неё.

И тогда я просто поднялась с места, взяла свою сумочку, сказала «пока!» и вышла из кафе, не дождавшись, пока официант примет наш заказ.

Домой я пришла в слезах, но когда рассказала обо всём маме, та только плечами пожала:

– Доченька, ну а чему ты удивляешься? Ирка твоя всего лишь показала своё истинное лицо. Она ведь всегда тебе завидовала.

– Мне? – изумилась я. – Но чему же у меня завидовать?

– Ну как «чему»? Ты с этой новой работой вон какая счастливая, аж вся светишься. Ирка-то никогда такой не была, она свою работу терпеть может. А тебя вот ценят, уважают, даже управляющей сделают.

– Но это ведь произошло только что, – продолжала недоумевать я. – А раньше?

– Раньше она с тобой дружила, потому что у тебя всё плохо, – поведала моя мудрая мама. – У неё ведь тоже, как ни посмотри, жизнь не сахар. Сорок лет, семьи нет, детей нет, любви нет, мужчины поматросят да и бросят. А на твоём фоне она себе не такой несчастной казалась.

Некоторое время я еще надеялась, что вышло какое-то недоразумение и Ирка позвонит и извинится за свои слова. Но она не появлялась, хотя я знала, что она следит за мной в соцсетях.

– Ну правильно, – усмехалась на это мама. – Узнай она, что у тебя всё плохо, снова была бы тут как тут.

– Пожалуй, я не доставлю ей такого удовольствия, – хмыкала я в ответ. И думала о том, насколько точна народная мудрость: взрослым становишься не тогда, когда начинаешь спорить с родителями, а тогда, когда понимаешь, что родители были правы.

Первое время мне недоставало Ирки... Но не так чтоб очень. А потом я и вовсе перестала думать о ней. У меня появился новый круг общения. С Елизаветой и ещё некоторыми людьми, с которыми я сошлась, мне было гораздо интереснее, чем с Ирккой. И рядом с ними я больше не чувствовала себя «неудачницей по жизни», которой надо обеспечивать доступ к себе положительной энергии.

Вот такие изменения произошли в моей жизни. Но рассказывать всё это Олегу я, конечно, не стала, а только поблагодарила:

– Спасибо, у меня всё хорошо.

И тут же вежливо поинтересовалась в ответ:

– А вас каким ветром занесло в эти края?

– Случайно заехал по работе, – сообщил он. И вдруг добавил: – И так как неизвестно, когда я окажусь здесь в следующий раз, могу я попросить ваш номер телефона?

Только каким-то чудом после этих слов я не выпустила чашку из рук. А было бы очень жалко её уронить, ведь я так старалась, рисуя на его кофе пушистое белое пёрышко...

Зелёную тетрадь я нашла, когда мы с мамой делали генеральную уборку. Мы затеяли её после того, как мама вдруг спросила, не надумала ли я жить отдельно. Она старалась говорить как можно более равнодушно, но голос её дрожал, и я поняла, насколько важна для неё эта тема, как ждёт она моего ответа и одновременно как боится его. И я тотчас встала с дивана, отложила электронную читалку, подбежала к маме и обняла её.

– Мама, успокойся, даже не думай об этом! Никуда я от тебя не съеду и никогда тебя не брошу!

– Правда? Доченька... – Она вдруг всхлипнула, вытерла глаза точь-в-точь, как это делаю я, – тыльной стороной ладони, но тут же взяла себя в руки и сменила тон: – Но ты учти: я совсем не хочу, чтобы ты так всю жизнь и просидела в старых девках! Как только ты кого-то себе найдёшь...

– Мам, ну ты опять за своё! – рассмеялась я. – Знаешь, вот когда найду, тогда и поговорим.

И вот что странно – почему-то от таких её слов я больше не чувствовала раздражения. Может быть, потому, что подумала в этот момент об Олеге?

В тот вечер мы засиделись до полуночи, обсуждая, что и как можно переделать в нашей квартире. В первый же мой выходной затеяли генеральную уборку – тут-то мне и попа-

лась на глаза зелёная тетрадь. Странно, за этот год я совершенно о ней забыла. А ведь всё началось именно с неё! Если бы не эссе «Пульт от жизни», не рассказ о женщине, решившейся в корне изменить свою жизнь, я бы так до сих пор и продолжала работать секретаршей под началом Змеюки и считать всех окружающих своими врагами. Сейчас даже подумать об этом было дико. Насколько же мне стало легче жить с тех пор, как я начала заниматься любимым делом!

У меня не было даже сомнений в том, как стоит поступить с зелёной тетрадью. Конечно же, надо отнести её на полку буккроссинга! Пусть кто-то другой прочтёт её и, может быть, как и я, тоже изменит свою жизнь и станет счастливее.

По интернету я нашла, что ближайшая к нам точка обмена книгами находится в Кузьминках. Что ж, я давно хотела там побывать и потому решила отправиться туда в первый же погожий день, чтобы совместить приятное с полезным. И всё же, расставаться с тетрадью было немного жаль – как с хорошим другом, чей мудрый совет вовремя наставил меня на путь истинный. Закончив уборку в квартире, я ещё раз перечитала все тексты, а потом, повинуясь какому-то непонятному мне самой порыву, взяла ручку и записала в тетрадь свою историю – всё то, что со мной произошло за этот год. Когда я закончила, до конца страницы оставалось ещё немного места, и я нарисовала там пушистое пёрышко.

Едва я закончила рисунок и отложила тетрадь, как зазвонил мой телефон. Это было смс от Олега, и некоторое вре-

мя я даже не могла открыть сообщение: так вдруг затряслись руки и застучало сердце. Но наконец я всё же справилась с собой, вывела на экран текст и прочитала:

«По моим расчётам, у тебя сегодня выходной. Давай встретимся вечером?»»

Эпизод 2

Дмитрий

Мальчик с иконописным лицом, или Не позволяйте привычкам заменять счастье

Тот эффект, который производит и, предполагаю, будет производить и дальше данная тетрадь, представляется довольно любопытным с психологической точки зрения. Поэтому я решил, что эксперимент должен продолжаться, и также вношу в него свою посильную лепту. Продолжу начатое предыдущим автором и расскажу здесь и свою историю. Назовусь Дмитрием, хотя уверен, что любой читатель, обладающий интеллектом хотя бы на среднестатистическом уровне, поймёт, что это не настоящее моё имя.

Итак, я Дмитрий, психолог по образованию и хедхантер по специальности. Без ложной скромности скажу, что на сегодняшний день я успешный человек, который без преувеличения может отнести себя к категории self-made man. Я многого добился в жизни, начав не то что с нуля, а даже, если можно так выразиться, с отрицательной величины. Семья, в которой я вырос, относилась к категории малоимущих и была весьма проблемной, а система моего воспитания – аб-

солютно токсичной. Меня растила одинокая женщина, отца своего я никогда не знал, и, подозреваю, моя мать также не была уверена, от кого из её тогдашних любовников произвела меня на свет. Сколько себя помню, мать всё время пыталась, как она это называла, «устроить автобиографию», понимая под этими словами если не брак, то хотя бы более или менее длительные и прочные отношения с каким-то мужчиной. Мужчины всё время менялись, появлялись и исчезали, но автобиография упорно не устраивалась и до самой смерти матери так и не устроилась. И это было вполне закономерно. При столь выраженной потребности в партнёре мать была из тех людей, кто абсолютно не способен создать адекватные межличностные отношения, поскольку склонен винить абсолютно во всём кого угодно и что угодно, только не себя. Как только рядом с ней появлялся мужчина, она превращала его жизнь в ад, вываливая на него шквал обвинений и претензий. В партнёрах она всегда искала лишь решение своих проблем, но, по-моему, не испытывала ни к одному из кавалеров даже минимальной симпатии. Не уверен, что моя мать была вообще способна к привязанности, во всяком случае, на себе я этого точно не ощутил. Я вырос в обстановке эмоциональной холодности, периодически переходящей в агрессию. С раннего детства я постоянно слышал, что испортил своим появлением на свет всю жизнь своей матери, заставляя её с той поры постоянно страдать и нуждаться. Разумеется, в раннем возрасте всё это меня сильно травмировало и

не давало развиваться как гармоничная личность. Более всего пугали угрозы матери отдать меня в детский дом, которые обрушивались на меня вместе со шлепками и подзатыльниками каждый раз, стоило проштрафиться по какому-нибудь самому пустячному поводу. Сейчас, к сорока с лишком годам, когда я столько работал со своими детскими переживаниями и успешно решил все личностные проблемы, уходящие корнями в детство, мне до сих пор всё ещё становится не по себе, когда я слышу или вижу в тексте словосочетание «детский дом».

Неудивительно, что я рос забитым и крайне закомплексованным ребёнком, собравшим букет негативных последствий всех ранних возрастных кризисов. Но, как известно, даже в чёрном квадрате всегда можно найти хотя бы одну крошечную белую точку. Уверен, что именно благодаря столь жёсткой закалке в детстве я вырос упорным и целеустремлённым. Возможно, воспитывайся я в других, более благополучных условиях, я бы никогда не стал тем, кем являюсь сейчас.

К счастью, природа наградила меня высоким интеллектом и отличными когнитивными способностями. В школе мне одинаково легко давались и точные, и естественные, и гуманитарные науки. Уже в восьмом классе я окончательно определился с будущей профессией, решив стать психологом. В те годы мне, испытывающему немалые трудности в общении, страстно хотелось научиться до тонкости разбираться

в людях, чтобы при необходимости управлять ими (термина «манипуляция» я тогда ещё не знал). Всю старшую школу я старательно готовился к поступлению в вуз, посещал подготовительные курсы (тогда, на моё счастье, ещё бесплатные), и в итоге мои старания увенчались успехом – я стал студентом психологического факультета. К тому времени я уже прочёл знаменитый труд Эриха Фромма «Иметь или быть» и был очень горд тем, что нашёл собственный ответ на вопрос. Я видел в нём не альтернативу, а синтез, я собирался *и* быть, *и* иметь и поставил перед собой две цели на длительную перспективу: стать лучшим и иметь лучшее. Мне, как любому человеку, необходимо было самоутверждение, а будучи амбициозной, но проблемной личностью, я нуждался в нём больше, чем многие другие. Дав себе слово во что бы то ни стало заработать диплом с отличием, я все пять вузовских лет старательно и напряжённо учился и ни разу не получил на экзамене ни одной тройки, не говоря уже о неудовлетворительных оценках. В то же время я никоим образом не отвергал и материальной стороны успеха. Выросший в бедности, лишённый в детстве подчас даже самого необходимого, я упорно стремился к благополучию, занимавшему в моей системе ценностей отнюдь не последнее место. Во время учёбы в университете я начал активно подрабатывать везде, где предоставлялась возможность: был платным испытуемым на экспериментах, перепечатывал рукописные тексты (мне удалось не только быстро освоить пользование компьютером, но

и выгодно приобрести с рук подержанный ПК), торговал и даже разгружал фуры на вещевом рынке. Я, что называется, всё время держал нос по ветру, и такая предприимчивость помогла мне быстро осознать все преимущества кадрового бизнеса (тогда это направление ещё только делало в России первые шаги). Ещё будучи студентом, я устроился на работу в кадровое агентство и к моменту сдачи госэкзаменов уже имел и постоянное место работы, и приличный для своего возраста доход.

Тогда же я первый раз женился. На факультете психологии девушек всегда учится намного больше, чем ребят, поэтому парни почти всегда нарасхват. Я не стал исключением, даже напротив. Неловкий, закомплексованный школьник к тому моменту уже остался в прошлом. Я активно работал над собой, повышал социальный интеллект, посещал тренинги общения и уверенности в себе, и это не могло не принести свои плоды. Практически все сокурсницы относились ко мне благосклонно, так что я без преувеличения мог выбирать лучших из лучших. Первых красавиц, как это ни нелепо звучит, у нас на курсе было две, Алла и Наташа. Наташа нравилась мне больше, я даже немного влюбился в неё, но она была почти фанатично увлечена темой особых детей (правда, в те годы этот термин ещё не был в ходу) и проводила всё свободное время в интернате для детей-инвалидов. Заключение, что никак не смогу разделить с ней её интересы, я в итоге выбрал Аллу. Сразу после защиты дипломных работ мы по-

женились, сыграли весёлую свадьбу в ресторане ныне не существующей гостиницы «Минск» и свили семейное гнездо в съёмной комнате, затерянной в коридорах огромной коммуналки на Тверской. Однако продержался наш брак недолго, меньше года, и, вынужден признать, случилось это во многом по моей вине. Бытовые и финансовые трудности были лишь второстепенными причинами развода, а главным катализатором стала моя вторая жена, Вика.

В отличие от Аллы, воспитанной в интеллигентной семье со скромным достатком, Вика с молодых ногтей была приучена к роскоши. Даже в советские времена её отец, крупный партайгеноссе, мог позволить себе многое, о чём простые граждане могли только мечтать, вроде импортной одежды или элитного отдыха. Когда началась перестройка, он не растерялся, сумел вовремя и должным образом сориентироваться и на момент нашего с Викторией знакомства владел холдингом, название которого благодаря телевизионной рекламе было у всех на слуху. Когда одно из подразделений холдинга стало клиентом нашего кадрового агентства, мы сочли это большой удачей. Вика числилась там директором по персоналу, хотя, честно сказать, должность эта была почти номинальной, поскольку Вика мало что понимала в кадровом бизнесе и всю работу за неё делали заместители и сотрудники агентств. Яркая внешность Вики и, что греха таить, её материальное благополучие произвели на меня столь сильное впечатление, что я развёлся с Аллой и женился на Вике.

Со второй женой мы прожили шесть лет, и, признаться, эти годы тоже отнюдь не стали лучшими в моей жизни. Но в то же время я за многое благодарен своей второй бывшей. Под руководством Вики и её родителей парень из простой и неблагополучной семьи превратился в человека, которому не стыдно показаться в хорошем обществе, который умеет себя подать, может поддержать разговор на любую тему, разбирается в брендах и знает цену и себе, и всему, что его окружает.

С некоторой помощью Викиного отца я открыл собственное кадровое агентство, которое успешно набирало обороты и уверенно держалось в списке московских лидеров, невзирая на все трудности и кризисы. Однако в какой-то момент я понял, что перерос и это. Мне надоело мелко плавать и закрывать вакансии с окладом в каких-нибудь жалких сто тысяч в месяц – пусть даже я сам уже давно не занимался подобной работой, её делали мои подчинённые. Я передал бразды правления агентством самой толковой из своих заместительниц, а сам занялся хедхантингом, и эта работа меня по-настоящему увлекла. Вот уже много лет я ни от кого не завишу, сам выбираю себе заказчиков и распоряжаюсь своим временем так, как считаю нужным. Я веду активную и очень насыщенную жизнь, напоминающую отлаженный механизм. Мой график чётко расписан по минутам – не зря же я досконально освоил искусство тайм-менеджмента. Два раза в неделю я посещаю тренажёрный зал, в воскресенье – сау-

ну и бассейн в элитном спортклубе, это необходимо как для поддержания формы, так и для того, чтобы вращаться в нужных кругах. С той же целью я состою в эксклюзивных столичных клубах: стрелковом, конного поло, любителей антикварных автомобилей и так далее. В таких местах всегда можно завести связи и поддерживать нужные знакомства, чтобы при необходимости выйти на интересующих меня людей. Кроме того, несколько раз в год я обязательно езжу отдыхать, это необходимо, чтобы избежать профессионального выгорания.

Собственно, именно благодаря поездке на отдых в моей жизни и произошли те события, о которых я хочу здесь рассказать.

Был конец марта – удачное время для отдыха. Мне нравится посещать популярные места в низкий сезон, когда там относительно немного туристов. На этот раз я остановил свой выбор на Мальорке. В начале весны вода в океане обычно ещё прохладная, но меня это не смущало. Я ехал в основном для того, чтобы окунуться в колоритную атмосферу Средиземноморья, которая всегда действует на меня терапевтически. А искупаться, если возникнет такое желание, всегда можно и в бассейне, который, как известно, есть в каждом уважающем себя отеле.

В работе у меня как раз наступил небольшой перерыв, шенгенская виза была в порядке, с бронированием номера, покупкой билетов и организацией трансфера тоже не долж-

но было возникнуть никаких проблем. Препятствие имелось только одно: я не люблю путешествовать один, а все мои друзья, люди, с которыми мне комфортно проводить отпуск, как назло, оказались в это время заняты. Оставалось только одно – прихватить с собой какую-нибудь девушку. Это, собственно, тоже не было проблемой – недостатка в желающих составить мне компанию на отдыхе я никогда не испытывал. Обычно я предлагал поехать со мной кому-нибудь из проверенных «боевых подруг», но в этот раз решил рискнуть и взять с собой Кристину.

С Кристиной мы познакомились буквально за неделю до этого на одном из бизнес-завтраков для топ-менеджеров. Завтрак привёл к ужину, после которого мы проснулись в одной постели. Разумеется, у неё дома. К себе я женщин не вожу принципиально, причём по нескольким причинам. Во-первых, не терплю вторжения посторонних людей в моё личное пространство. Мой мир – это *мой* мир, и «крестинам» в нём не место. Во-вторых, девушке, с которой не собираешься поддерживать длительное общение, лучше и не знать, где ты живёшь (так сказать, во избежание). Ну и наконец, в-третьих, женщине комфортнее на своей территории. Это тоже чисто психологический момент, хотя ему и не учат студентов. У себя дома, в привычной обстановке, женщине проще расслабиться. А оказавшись первый раз в доме мужчины, она сознательно или несознательно, но всё равно начинает изучать и метить территорию с перспективой будущего

вторжения.

Так что запускать Кристину на свою территорию я не собирался, но после первого свидания решил, что, пожалуй, можно встретиться с ней ещё раз. Мне понравились её духи, её попа и её отношение к сексу. Кристина умела и дарить, и искренне получать удовольствие, а этим, по моему немалому опыту и мужчины, и психолога, может похвастаться далеко не каждая женщина.

Во внепостельном общении Кристина строила из себя то ли бизнес-леди, то ли светскую львицу, я так до конца и не понял, какую именно роль она пытается играть. Первое время меня это забавляло, и было даже любопытно, как быстро она устанет притворяться и покажет своё истинное лицо. Я решил, что совместный отпуск может стать чем-то вроде эксперимента – увижу, насколько её хватит, и проверю, прав ли я в своих догадках насчёт того, что она представляет собой на самом деле. Забронировав на всякий случай номер с двумя отдельными спальнями, я позвонил Кристине. Разумеется, она согласилась. В моей практике ещё ни разу не было случая, чтобы какая-нибудь девица сказала в ответ на аналогичное предложение: «Извини, я не могу». Когда подобное произойдёт, я, пожалуй, сдам свой красный психологический диплом.

Так что мой эксперимент начался и дал первые результаты уже в аэропорту. Там вдруг выяснилось, что Кристина, собираясь впопыхах, забыла «купальничек». Вернее, взяла, но

только один – а разве можно ехать на курорт с одним-единственным купальником?

– Купишь себе что-нибудь на месте, – сказал я. – Возможно, Мальорка не главный шопинг-центр мира, но, уверен, купальники там есть.

Кристина ненадолго зависла, очевидно, предполагала услышать другой ответ. Наконец она сообщила, что в ожидании посадки могла бы пройтись по магазинам дьюти-фри, но вот беда – второпях не захватила с собой кредитную карту, вернее, захватила не ту. На той карточке, которая у неё в телефоне, она держит только небольшую сумму, потому что опасается мошенников, а та карточка, которая... Я не стал дожидаться окончания монолога и протянул ей одну из своих карт, усмехнувшись про себя. Всё шло по плану, только с опережением графика.

– Пупсик, я тебя обожаю! – взвизгнула Кристина и умчалась.

Меня слегка передёрнуло. Многого от неё я, конечно, не ждал, но надеялся, что до такой пошлятины дело всё же не дойдёт. Здравствуйте, меня зовут Дмитрий, мне сорок четыре года, и я пупсик.

Пока Кристина успешно сокращала сумму на моей карте, я решил прогуляться по залу аэропорта и наткнулся на стеллаж буккроссинга. От нечего делать полистал пару книг и уже хотел идти дальше, когда взгляд выцепил какой-то томик без названия. Он оказался даже не книжкой, а толстой

тетрадь в зеленой обложке, исписанной аккуратным почерком. Я раскрыл наугад и прочитал:

Считается, что «привычка свыше нам дана, замена счастью она». Но порой привычка – это именно то, что и стоит на пути к счастью. Иногда необходимо найти в себе силы на решительный шаг и расстаться с привычкой, чтобы зажить настоящей жизнью, своей, а не чужой.

Я хмыкнул про себя: довольно спорная мысль. Выскажи кто-нибудь её в разговоре, я бы, наверное, вступил в дискуссию. Но сейчас оппонент присутствовал передо мной лишь на страницах тетради. Я пролистал её дальше и заключил, что, пожалуй, стоит прихватить это чтиво с собой. Перелёт предстоит недлинный, но и не самый короткий, около четырёх часов, и слушать всё это время Кристину у меня не было никакого желания. Лучше уж отгородиться от неё этой забавной тетрадью.

Уже объявили посадку на наш рейс, а Кристина всё не появлялась. Пришлось ей звонить. Трубку она не брала минут десять, в итоге мы едва не опоздали на посадку. После шопинга Кристина вернулась в дурном настроении: купальника, который она хотела, не нашлось, и пришлось купить что-то безобразное, из того убогого выбора, который был предложен. Мою карту она вернула даже без «спасибо», просто как само собой разумеющееся. Совместный отпуск ещё толком не начался, но моя гипотеза насчёт того, что представля-

ет собой моя спутница, уже подтвердилась на сто процентов.

Мы летели лайнером зарубежной авиакомпании и, разумеется, в бизнес-классе. Готов поспорить, что у Кристины это был первый подобный опыт, но тем не менее она всё равно постоянно находила, к чему придраться: и ду€ша-то на борту этого самолёта нет, и кресло раскладывается не так уж удобно, и еда невкусная. Они что, не могли приготовить что-то получше для VIP-персон? Сдерживая раздражение, я попытался объяснить новоиспечённой «VIP-персоне», что в условиях перелёта наши рецепторы воспринимают вкус совершенно иначе, – но, похоже, я только метал бисер перед той, кому, как известно, гусь не товарищ. Наконец Кристина разложила «неудобное» кресло и уснула, смешно приоткрыв рот, а я, тоже устроившись поудобнее, открыл зелёную тетрадь и углубился в чтение.

И оно меня по-настоящему увлекло. До этого момента я считал, что подобные записи отдельных мыслей, жизненные истории и наброски с претензией на глубокую философию если не канули в Лету, то, по крайней мере, перекочевали в интернет. Но, как говорится, из любого правила всегда бывают исключения. И сначала некто, пожелавший остаться неизвестным, с какой-то непонятной мне целью делал эти записи (судя по разному цвету чернил и небольшим вариациям в почерке, в разное время). Потом, как я понял из последующих записей, тетрадь каким-то образом оказалась на полке буккросинга, – и какая-то девушка, подхватив эстафету, за-

писала сюда свою историю. Меня это развлекло, я с интересом прочитал её исповедь, но особенно заинтересовала меня личность первого автора. Основываясь на содержании записей и почерке (в студенчестве я одно время увлекался графологией), я составил его психологический портрет, который, однако же, не считаю нужным здесь приводить. Возможно, кто-то из тех, кто будет читать тетрадь после меня, захочет сделать то же самое – так зачем лишать его удовольствия?

Едва я закончил с выводами, самолёт начал снижение. Пришлось разбудить Кристину, хотя и не скажу, что я сделал это очень уж охотно.

Дальше всё также развивалось по вполне предсказуемому сценарию. Сначала моя спутница выглядела более или менее довольной – как я понял, она относилась к тому типу людей, для которых хорошо всё, что не Россия. Для них за пределами отечества и воздух чище, и трава зеленее, и навоз пахнет фиалками. Поэтому безоблачное небо Мальорки, яхты, пальмы, людей в яркой летней одежде, старинные дома из песчаника и «чашечку кофе на ходу», превратившуюся в плотный завтрак в уютном кафе на набережной, моя спутница воспринимала почти с восторгом. Но стоило приехать на место, как на её холёной физиономии вновь появилось недовольное выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.